

Дубов

М И Т р и й

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Шоу должно
продолжаться

18+

Дмитрий Дубов

Шоу должно продолжаться

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30084078

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05892-7

Аннотация

Андрею Сабурову приходит приглашение участвовать в новом реалити-шоу. Стараясь забыть несчастную любовь, он соглашается, несмотря на то, что текст на приглашении исчезает. С первого взгляда, это реалити-шоу почти ничем не отличается от других подобных. До тех пор, пока на нём не начинают таинственным образом исчезать люди. Участников окружают мистические загадки. Андрей пытается найти объяснение всему происходящему. Его поиски выходят за пределы шоу, и он понимает, что столкнулся с чем-то действительно необъяснимым, потому что средства, потраченные на шоу, нельзя окупить никакими показами. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Часть I. Шоу начинается	10
Глава первая. "На лоне природы"	10
Глава вторая. Первый «звоночек»	27
Глава третья. Новая роль	49
Глава четвёртая. Призраки в игре	73
Глава пятая. Разные люди	94
Глава шестая. Разминка	125
Глава седьмая. Любовь и боль	160
Конец ознакомительного фрагмента.	177

*The show must go on
The show must go on
Inside my heart is breaking
My make-up may be flaking
But my smile still stays on¹*

¹ Шоу должно продолжаться, Шоу должно продолжаться, И, хотя мое сердце разрывается, И грим мой, быть может, осыпается, Но улыбка по-прежнему играет на устах. (Перевод взят из книги "Queen Песни", 1996 года.)

Пролог

Мелодичная, захватывающая душу, композиция группы «Queen» лилась из динамиков музыкального центра, заполняя собой пространство. Андрей отрешённо слушал, сидя в своём любимом кресле, и сердце его обливалось кровью.

О чём же хотел сказать Фредди Меркури этим прощальным аккордом своего творчества? – О любви? – О жизни? Говорят, Фредди был «голубым» (хотя Андрей уже научился не верить сплетням, этот факт жизни певца был вроде бы общепризнанным). Отчего же так? – Не от тяги же к острым ощущениям? Может быть, от несчастной любви?

Воспоминания кружились в голове Андрея, как затёртая пластинка. Может это от спиртного? А, может, от того, что слишком глубокий след оставила последняя любовь в сердце Андрея Сабурова.

* * *

...Вот он поднимается по лестнице к знакомой двери с шикарным букетом цветов. Вот замирает всё внутри – знакомое ощущение – предвкушение общения с любимой. Вот он надавливает кнопку звонка. Но... в воздухе уже витает запах грядущих разочарований.

Ира открывает дверь. Девушка, как всегда, элегантна, но Андрей замечает, что с ней что-то не так: лицо напоминает гипсовую маску, на которой живут только глаза, полные отчуждения и внутренней борьбы.

– Заходи, – говорит Ира, – нам нужно поговорить. – Голос её едва заметно дрожит.

Андрей пытается вручить девушке цветы, но она увёртывается и ведёт молодого человека в комнату, усаживает его на диван, а сама берёт стул и садится напротив. Влюблённый в Иру по уши он пытается прочесть что-нибудь в её глазах, но теряется в этой буре эмоций.

– Что случилось? – выдавливают из себя Андрей.

– Ничего, – вздыхает Ира, – почти ничего. Просто я подумала, что нам лучше остаться просто друзьями.

«Просто... просто...» – звучит у него в ушах, а смысл сказанного никак не доходит до ума.

Когда Андрей, наконец, понимает смысл этой страшной фразы, он начинает что-то возражать, но слова не желают вылезать из горла, и до слуха Иры долетают еле внятные отрывки:

– Нет... Но почему? Я тебе не нравлюсь? У тебя есть другой? Я тебя чем-нибудь обидел? – Я исправлюсь... Только не бросай меня!

Он знает, что слова его звучат по-идиотски, да и чувствует сейчас себя полным идиотом, но он слишком любит Иру, чтобы отпустить её.

– Нет, ты меня ничем не обидел, – взгляд карих глаз становится ледяным. – Просто нам надо расстаться. Так будет лучше для обоих.

– Ирочка, я... – Андрей запнулся. Шестым чувством он уже понимает, что ничего не изменить, и лучше всего – встать и уйти. Но также он знает, что ноги просто откажутся держать его.

– Всё, – говорит Ира, – сейчас тебе лучше уйти. – И всё же красной нитью в её действиях проскальзывает сомнение: а правильно ли я делаю?

Совершив над собой усилие, Андрей поднимается с дивана. Его шатает, словно он напился с раннего утра.

– Друзей так не прогоняют, – выдавливая он из себя, а мысленно добавляет: даже псов так не прогоняют.

Он выходит из Ириной комнаты; сзади пистолетным выстрелом щёлкает задвижка.

Всё, – думает Сабуров, – Всё кончено.

Но вместо того, чтобы сразу направиться к выходу из квартиры, Андрей проходит на кухню. Ему потребовалась вода – смочить пересохшее горло.

На кухне он видит мать Иры, суещающуюся возле плиты, а у окна, за завесой из сигаретного дыма – своего лучшего друга – Пашку Стержнева.

Женщина оборачивается к Андрею.

– Ты должен был сразу признаться моей дочери, – говорит она, размахивая лопаточкой для жарки. – А так, – ты обман-

щик, дорогой мой человек!

Она продолжает заниматься стряпнёй. Пашка смотрит на Андрея сочувственно-презрительным взглядом, в котором всё же сквозит испуг.

— Я не знал, что ты не говорил им, — Стержнев протягивает слова, будто бы наслаждаясь моментом. — Вот и проговорился. Извини, Андрюш, ладно? Не держи на меня зла.

Андрей даже забывает, зачем зашёл на кухню. Он опрометью бросается из квартиры; рыдания не позволяют вздохнуть полной грудью.

Постепенно он успокаивается и впадает в прострацию. Во время недолгого просветления он понимает, что до сих пор держит в руке букет цветов. Он дарит его измученной пожилой женщине. Та долго смотрит ему вслед, и слёзы блестят на её глазах. Она уже не надеялась получить цветов до своих похорон...

* * *

Нам лучше остаться просто друзьями...

Нам лучше остаться просто...

Нам лучше...

Испорченная пластинка памяти вращалась на одном и том же месте.

Впрочем...

Взгляд Андрея упал на девственно чистый лист бумаги,

лежащий поверх конверта, который он автоматически достал из почтового ящика. Всего час назад этот лист был испещрѐн машинописным текстом.

Молодой человек что-то слышал об исчезающих чернилах, но исчезающий тонер для принтера... Да, при других обстоятельствах это событие полностью заняло бы его мысли. Сначала текст был, потом – исчез...

Но, несмотря на своё душевное состояние, Андрей помнил каждое слово. Текст гласил:

"Уважаемый Андрей Викторович Сабуров!

Корпорация «Новое Поколение» обращается к Вам с просьбой: принять участие в новом телевизионном реалити-шоу "На лоне природы". Съёмки рассчитаны на всё лето. Вы сможете не только поправить свой личный бюджет, но и познакомиться с замечательными людьми.

Отвлекитесь от забот и отдохните на свежем воздухе, а самое главное: прославьтесь на всю страну!

Если Вы согласны, то позвоните по телефону 8-800-2000-2000, после звукового сигнала наберите: 22, и получите инструкции, что делать дальше".

Корпорация «Новое Поколение».

– The show must go on, – пел Фредди.

Андрей пристально посмотрел на чистый лист. Я убью себя, если останусь тут, – подумал он, – А шоу под названием «жизнь» должно продолжаться!

Он взял телефон, и набрал номер по памяти.

Часть I. Шоу начинается

Глава первая. "На лоне природы"

1

Первый несчастный случай произошёл на второй день после начала самого странного реалити-шоу из всех, что видел Андрей. «На лоне природы» – называлось оно.

Лиля и Гарик пошли прогуляться под ручку...

Хотя – нет, – обо всём по порядку...

2

Получив инструкции по телефону, Андрей так и не смог понять, куда же он ввязывается. Деловито-вежливым голосом автоответчика ему было сказано только, что он – Сабуров Андрей Викторович – зарегистрирован, а затем – когда и куда он должен приехать, и что следует взять с собой.

И всё.

– Заинтриговали, – сам с собою согласился Андрей, и через два дня вылетел на самолёте прочь от родной северной

столицы. С высоты всё на земле казалось правильным и красивым. Даже извилистые русла речушек ничуть не нарушали общей гармонии, а скорее добавляли изящности открывшемуся ландшафту.

После этой радующей глаз картины, суэта аэропорта утомляла. Хорошо ещё пересадка на небольшой частный самолёт произошла довольно быстро.

Оказавшись внутри, Сабуров огляделся. Люди, занимающие места вокруг него, наверняка были приглашены на шоу. И дело даже не в одежде, или наборе вещей, не в разговорах об исчезающих чернилах, или корпорации «Новое Поколение», отнюдь нет – всех их выдавал блеск азарта в глазах. Все они хотели стать кем-то вроде «Последнего Героя».

Андрей прикинул, что мужчин и женщин примерно поровну. Возраст колебался от восемнадцати до сорока (ему показалось, что двум девчонкам, сидящим позади – рыженькой и чёрненькой – ещё и восемнадцати-то нет... но тогда их не пригласили бы, верно?). Все без видимых физических недостатков, довольные...

3

Каково же было разочарование всех этих людей, когда они не увидели никаких необитаемых тропических островов, а вместо них – обычный южнорусский пейзаж.

Из самолёта участников пересадили в автобус. Андрей по-

считал, что вместе с ним получается тридцать два человека. Ещё полчаса пути – сперва по асфальту, – после по просёлку. И вот они уже на месте.

Взгляду молодого человека предстало симпатичное здание, которое, никак не желая признаваться в этом, всё-таки немного смахивало на казармы. С одной стороны простирались поля, с другой – темнел лес, с третьей – отбрасывало весёлые блики озеро, а с четвёртой – виднелся город, через который они только что проехали.

А не будет ли скучновато? – подумал Андрей, и по возгласам спутников понял, что они тревожатся о том же.

4

– Нет, ребята, скучно не будет, – словно прочитав их мысли, сказал мужчина, подошедший к автобусу. По всему видно – встречающий. Сейчас начальство прибудет, всё объяснит. А меня зовите Владом.

Участники тем временем выгружались на шелковистую приветливую травку. Не успели они толком оглядеться, как услышали отдалённый рокот вертолёта, на котором прибыли организаторы проекта. Один за другим на землю высыпались четверо бравых парней в чёрном, в топорщащихся на боку пиджаках, в тёмных очках, – телохранители, одним словом. Участники рассматривали их с неподдельным интересом. Только Андрей продолжал пристально наблюдать за

назвавшимся Владом – мужчиной лет сорока – сорока пяти. Что-то было в нём не так, не внушало доверия. Одет он был довольно просто: в рубашку и джинсы, но в каждом движении чувствовалась скрытая энергия. И ещё – глаза, какие там крылись мысли и стремления? – одному Богу известно, но, что крылись, это точно.

Из вертолётa спустились двое: один молодой и красивый, второй – пожилой, статный и мужественный.

– Прошу любить и жаловать, – сказал Влад, – Роман Иванович, – он указал на седого, – и Семён Вальцман – руководители проекта.

Андрей взглянул на них мельком, но этого вполне хватило, чтобы понять: личности скорее заурядные, хотя и не без ореола подчёркнутого высокомерия.

5

Далее последовало знакомство с правилами. Вкратце всё сводилось к следующим пунктам, озвученным одним из руководителей:

- 1) Шоу имеет задачу привлечь внимание городских жителей к сельскому хозяйству.
- 2) Вам предлагается на лето стать фермерами.
- 3) Впрочем, участие в трудовой деятельности является необязательным, продукты вам привезут и так, деньги за участие положат на счёт.

4) Вся жизнь вашей общины снимается на видеокамеры.

5) Пожелание-приказ: никакого насилия между собой, – уголовный кодекс здесь никто отменять не собирается, да ещё и прославиться на всю страну. Однако интим по согласию разрешён.

6) В случае непредвиденных обстоятельств обращайтесь к Владу – он врач, к тому же всегда на связи с руководством проекта.

После пожеланий всего хорошего организаторы шоу и их телохранители в обратном порядке проследовали в вертолёт, который через минуту уже скрылся где-то за городом.

6

Хрень какая-то, – подумал Андрей, – и зачем я во всё это связался? Правда, через полчаса он уже так не думал.

– Сегодня у вас свободный день, – сказал Влад, обращаясь к группе новобранцев. Отнесите свои вещи в дом и погуляйте до ужина. За это время как раз познакомитесь, и решите, кто с кем займёт номера.

Почти все, за исключением двух-трёх человек, решивших отдохнуть с дороги, последовали его совету, и отправились осваивать пляж.

Андрей шёл по песчаному берегу озера. Были здесь и две слишком молодых – по мнению Сабурова – девушки, которые уже плотно общались между собой, и парень, лицом и

телосложением напоминающий свина, (как он узнал потом, «Свина» звали Павлом, чем он сразу же не понравился Сабурову). Была тут девушка с пышной курчавой причёской, напоминающей шар...

Внезапно в поле зрения Андрея попали ноги. Длинные, красивые, загорелые. Он перевёл взгляд и увидел симпатичное личико девушки, рассматривающей его с не меньшим интересом, чем он её. Потом, во время долгих одиноких ночей, он твердил себе, что это была любовь с первого взгляда. А сейчас все мысли покинули его голову. Остались только глубокие умные зелёные глаза, светлые, манящие волосы, бархатное загорелое тело... и сводящий с ума зов души, требующей любви.

Будто бы откуда-то издалека доносился голос Фредди Меркури. «Queen» звучала из динамиков небольшого магнитофончика, стоящего рядом с девушкой.

Андрей замер, не замечая даже того, что загородил ей солнце. Она, не спеша, поднялась и отряхнулась, после чего подала молодому человеку изящную ручку с длинными, чувственными пальчиками.

– Кира, – представилась она.

Ещё несколько секунд понадобилось Андрею, чтобы понять, что от него требуется. Затем он поспешно схватил протянутую ему руку и поднёс к своим губам. Кожа на руке девушки оказалась очень нежной и пахла полевыми цветами. Кира не смогла сдержать улыбки, и лицо её стало божествен-

но-красивым.

– Очень приятно, – пролепетал Сабуров, отстраняясь, – Андрей.

– Будем знакомы, – в голосе девушки звучали весёлые колокольчики.

Андрей понимал, что нужно о чём-то говорить, но мыслей по-прежнему не было ни одной. Он понимал, что влюбился, и видел, что девушка тоже к нему равнодушна. Но такого не бывает!

– А Вы любите «Queen»? – нашёлся он вдруг.

– Да, только давай на «ты».

– Ок. – Недолгая пауза. – Мне тоже нравится эта группа.

И тут его, словно прорвало; да и Кира тоже оказалась словоохотливой. Казалось, они могли разговаривать на любые темы: от музыки – до загадок космоса, от погоды – до политических тем. И беседа их выглядела органичной, не надуманной. Молодые люди проговорили до самого вечера, не замечая никого вокруг, а после решили занять один номер на двоих, посчитав это само собой разумеющимся.

7

Когда всех позвали на ужин, Кира покинула Андрея, сославшись на то, что ей нужно «попудрить носик», но попросила занять ей место за столом. Таким образом, Сабуров получил возможность разглядеть партнёров по проекту ещё

раз.

Обеденный зал находился в торце здания. Четыре больших стола удобно располагались в его центре. В плетёных вазочках лежали красивые, почти как рисованные фрукты: бананы, апельсины, яблоки. С одной стороны зала располагалось массивное окно с видом на озеро и частично на лес, ловивший сейчас лучи заходящего солнца своими кронами. С двух других – двери: через одну они только что вошли, за другой скрывалась кухня. Четвёртая стена была глухой.

Андрей занял место возле окна, спиной к нему, чтобы иметь возможность видеть весь зал. Он до сих пор не мог отделаться от ощущения, что всё это здание – переделанные «под евро» казармы.

Не успел он усесться, как к соседнему стулу подскочила смазливая брюнеточка лет двадцати.

– Можно? – выдохнула она.

– Занято, – проронил Андрей, едва удостоив её взглядом.

Девчушка моментально «надулась», но постаралась занять место напротив, однако туда уже со всего размаха плюхнулся «Свин». Андрей, поняв, что обречён на нежелательное соседство, вздохнул, и тут же узрел пошлейшее подмигивание со стороны «Свина». Сделав вид, что он ничего не заметил, Сабуров принялся разглядывать остальную публику.

Расселись по восемь человек за каждый стол. По левую руку Андрея сидел задумчивый молодой человек. Лицо – молодое, но мрачное, будто бы он повидал много горестей на

своём веку. Глаза печальные, пронизательные – того неопределённого цвета, который никогда не позволяет понять, что же на самом деле творится за ними. Тёмно-русые волосы по плечи собраны в «хвост».

– Андрей, – представился Сабуров и, повинувшись внезапному порыву, подал парню руку.

Тот посмотрел на Андрея, затем на протянутую руку с таким видом, словно его отвлекли от решения проблем мирового значения, но на приветствие ответил.

– Дамиан, – представился он, снизойдя до рукопожатия.

– Ого! – воскликнул Сабуров. – Не наше какое-то имечко.

– Греческого духовенства. – Всё тем же бесстрастным тоном проговорил его собеседник. – Я сам выбрал его.

– А ты грек, что ли?

– Нет, – тон длинноволосого молодого человека не располагал к продолжению беседы. Однако, смягчившись, он добавил, – Мама назвала меня Дмитрием, но я органически не перевариваю, когда меня называют Димочкой.

Тут он осёкся и замолчал, снова уставившись в пространство и полностью отдавшись своим мыслям, словно и не разговаривал ни с кем секунду назад.

"Странный молодой человек, – подумал Андрей. – Очень странный".

Кроме Дамиана-Дмитрия и «Свина»-Павла, за столом оказались женщина с причёской-шаром, по имени Лиля. Далее – симпатичный, но не броской внешности кареглазый

молодой человек по имени Гарик. С торца стола, напротив Дмитрия, умастилась веселушка Лена с искрящимися глазами. И, наконец, через стул от Сабурова сидел Ислан – кавказец.

За соседним столом нашла приют девушка, пытавшаяся занять место рядом с Андреем, – Маша Светлова, там же две давешние малолетки: Таня и Аня – обеим только накануне исполнилось восемнадцать. Теперь они тесно жались друг к другу, шептались и задорно чему-то смеялись.

В этот момент в столовую, гордо именуемую тут обеденным залом, вошла Кира. Она буквально проплыла к своему месту рядом с Сабуровым, и неудивительно, что многие провожали её оценивающими взглядами. Однако один из них, чересчур пристальный, принадлежащий мужчине лет сорока с соседнего стола, очень не понравился Андрею. Столько всепожирающей страсти было в этом взгляде, что становилось страшно. За Киру. Казалось, обладатель этого взгляда пойдёт на всё, лишь бы заполучить девушку в свою постель. Хотя бы на одну ночь.

8

– Привет, а вот и я, – сказала Кира и, перед тем, как сесть, чмокнула Андрея в щёчку, – не соскучился?

Его окутал запах её духов. Он не шибал в нос, не был приторным, а звучал, как бы издалека и манил, манил к своей

обладательнице.

В своей мысленной таблице Сабуров обычно ставил девушкам минус за назойливый запах. По его твёрдому убеждению, они просто не умели пользоваться парфюмерией, и практически все пахли весьма вульгарно, и, скорее отталкивали, нежели привлекали этим орудием обольщения.

Сейчас он даже не вспомнил об этой своей таблице. На мгновение он забыл обо всём на свете. Мир перестал существовать за исключением девушки, сидящей рядом, и благоухания, ускользающего от обоняния, но не оставляющего его.

– Чуть было не умер от скуки. – Ответил Андрей, едва придя в себя.

Она задорно засмеялась.

– Так на чём мы с тобой остановились?

– На Аристотеле, если мне память не изменяет.

Он посмотрел на неё, почти не отрываясь, однако от него не укрылся взгляд, брошенный исподлобья Дмитрием (язык не поворачивался назвать его Дамианом, хотя было в нём что-то эдакое). Тот был явно удивлён, что в этих стенах молодые парень с девушкой могут обсуждать историю философии.

После ужина возникла небольшая заминка. Участники ре-

алити-шоу, о котором, кажется, уже никто и не вспоминал, бросились наперегонки занимать комнаты, хотя те особенно ничем не отличались друг от друга. Но видно такова уж русская натура – урвать, и не важно, что нет никакой разницы между номером один и номером двадцать – те же четыре стены, две койки, которые можно сдвинуть, телевизор, душ, тумбочки, холодильник.

В коридоре неподвижно стояли трое: Андрей, Кира и Дмитрий. Они ждали, когда же уляжется суматоха, чтобы устроиться в комнатах без лишней суеты.

– Кстати, – спросил Сабуров девушку, – ты случайно не с парфюмерией работаешь?

– Как догадался?

– От тебя исходит настолько неземной аромат, что я понял: ты прекрасно разбираешься в этой области.

– Что есть, то – есть. Спасибо за комплимент.

Не успела она закончить фразу, как Андрей вздрогнул и едва не подпрыгнул на месте. Лицо его исказила брезгливая гримаса.

Сабуров не обратил внимания на тяжёлые шаги за спиной, и впредь решил быть осмотрительней. «Свин» подошёл сзади и хлопнул ладонью ему по ягодице, после чего, бросив:

– А ты классный, – и снова пошленько подмигнув, был таков.

Кира попыталась успокоить своего молодого человека улыбкой, в чём не особенно преуспела.

– Тварь, – выдохнул он в спину Пашке.

– Пойдём, – сказала Кира, беря его под руку, – не обращай внимания.

– Терпеть не могу гомиков. – Сказал Сабуров, взяв себя в руки.

10

Они заняли третий номер – с видом на озеро. Во втором же по соседству поселился Дмитрий. Напротив – в девятнадцатом – две девчушки: рыженькая и чёрненькая. Андрею они ужасно напоминали один попсовенький девичий дуэт, проповедующий лесбийские отношения. Таня и Аня, судя по всему, не особенно далеко от них ушли. Слишком уж они красноречиво обнимались.

Закрыв за собой дверь, Андрей задумчиво посмотрел на Киру. Вот уже некоторое время он только и хотел остаться с ней наедине, а теперь понимал, что не сможет сделать первый шаг. Только не сегодня. В лучах закатного солнца она была самым совершенством, которое нельзя трогать руками.

Ему показалось, что всё это она прочитала в его взгляде, и ей стало неловко, но вместе с тем и легко.

– Я очень устала, – сказала она, – ты не против, если я лягу пораньше?

– Нет, конечно, что ты? Пожалуй, пойду, прогуляюсь.

Наконец-то у него выдалась прекрасная возможность

разобраться в своих мыслях и чувствах, и всё «разложить по полочкам».

Андрей вышел из здания, и на мгновение ему показалось, что он остался совсем один на целой планете. Несмотря на тихий и тёплый вечер, на улице не было ни души. Странно...

"А чего ты удивляешься? – Они уже все по койкам, наслаждаются друг другом", – раздался голос в его голове.

Этот голос Андрей привык слышать с раннего детства, но до сих пор не мог понять, что это: величайший дар, или величайшее проклятие.

"Я всё правильно делаю?"

"А в чём проблема? Тебе что-то не нравится в твоём поведении? – Тогда – меняйся".

"Дело не в этом, я только что потерял девушку из-за того, что не всё рассказал ей о себе".

"Она не любила тебя. Иначе поняла бы, или попыталась бы это сделать".

"Но зато я любил её. Да и она..."

"Нет! Ты нравился ей. Но посмотри на себя в зеркало: ты же можешь нравиться девятистам процентам всего слабого пола на планете".

"Ты льстишь мне".

"Снова – нет. Это правда, и ты сам знаешь об этом. А любовь... Любовь есть лишь одна, и она не имеет ограничений ЭТОЙ жизнью".

"А то, что сейчас?"

Андрей даже не знал, как правильно сформулировать вопрос, и не удивился, что возникла пауза. Он шёл по лесу и вдыхал запах хвои, устилавшей землю. Дальше – вправо – располагался смешанный лес с густым подлеском. К нему бежала еле приметная тропка, но идти в том направлении не хотелось. К тому же табличка, прикреплённая к дереву, гласившая:

"ГНИЛЫЕ БОЛОТЦА"

и вовсе отбивала желание двигаться туда. Андрей повернул назад.

"Ты на правильном пути, – наконец, сказал ему голос, – но будь очень осторожен. Путь этот узок, а по краям бездонные пропасти. Оступишься, и жди ещё сотню лет, если не больше".

"А как мне узнать, что я поступаю правильно?"

"Каждый человек в глубине души всегда знает: правильно ли он поступает, или нет. Просто, мало кто способен слушать себя самого. Свою собственную душу, если уж на то пошло".

"Но всё-таки?"

"Ты знаешь всё, что нужно. Ты сможешь разглядеть искушения и соблазны. И, если будешь обходить их стороной, не собьёшься с пути. Выбор есть всегда, и сейчас твоя Судьба (именно так: с прописной буквы) в твоих руках".

Это были последние слова, которые Андрей услышал в своей голове. Больше, как он не пытался, ничего не получалось. Все его последующие вопросы оставались без ответа.

Он сделал крюк вокруг здания и подошёл к нему с обратной стороны. Только сейчас он разглядел небольшие балкончики, опоясывающие первый и второй этажи.

Зайдя в номер, он не стал зажигать свет, а сразу же прошёл в душ. После блаженства упругих струй ему стало легче. Хандру, как рукой сняло. Накинув халат на голое тело, он вошёл в комнату.

Уже совсем стемнело, но Кирины волосы словно изливали свой собственный свет. Андрей не удержался, присел на краешек её кровати и провёл по ним рукой. Она спала. Сладко, словно младенец.

Если голос его не обманывал, то встреча с Кирой – это Судьба (именно так: с прописной буквы). Любовь. Та, что длиннее вечности. А с какой стати ему обманывать? Андрей вспомнил, как мальчишкой десяти лет попал под машину, гостя у тётки за сто с лишним километров от Питера. Тогда его парализовало; он не мог ни говорить, ни писать, да и мало, что помнил. Но появился этот голос, буквально выдернувший его с того света, сказав, что ещё не время, что ещё многое предстоит сделать, а ведь он уже почти прошёл Последней Тропой. Изо дня в день голос поддерживал его. Вдыхал волю к жизни и силы для полноценного существования. Через несколько дней Андрей начал кое-как двигаться. Врачи были в шоке, – они уже приговорили его к пожизненному параличу. И неудивительно – была задета центральная нервная система (ЦНС).

Тётка отыскала его лишь через две недели.

А ещё через месяц он уже почти ничем не отличался от своих сверстников.

– Чудо! – говорили врачи...

И сколько ещё раз этот голос спасал ему жизнь? – Полдюжины минимум. Правда, из-за него однажды случилась и неприятность... Но об этом думать не хотелось.

Андрей приласкал Кирины волосы, окунулся в них лицом, вдохнул умопомрачающий аромат, вздохнул и отправился спать.

Глава вторая. Первый «звоночек»

1

В эту ночь Андрей спал плохо. Сперва мешал смех из номера напротив, недвусмысленные охи и вздохи из соседнего – четвёртого. Пришедший сон не принёс с собой облегчения. Сабуров не помнил, что ему снилось, остались лишь щемяще-тревожные ощущения безысходности и преследования.

Когда он открыл глаза, наручные часы, лежащие рядом, показывали пять минут шестого. Он встал, принял душ, оделся. Кира спала. На губах её играла безмятежная улыбка.

Андрей вышел в коридор, но тут же вернулся в комнату: дышать за дверью было невозможно. Казалось, что весь кислород внезапно стал дымом марихуаны. Кто-то не пожалел «травки» в эту ночь.

Тогда он вышел на балкончик, и потянулся за пачкой «Winston». Его взгляд приковало солнце, налившееся фантастической красоты багрянцем, и неумолимо-величественно восходящее по небосводу. Оно отражалось в зеркальной глади озера, отбрасывая весёлые блики на окна. Было во всём этом что-то волшебное, завораживающее, прогоняющее все страхи и неприятные ощущения. Андрей даже забыл, зачем полез в карман.

Подул лёгкий утренний ветерок, по озеру прошла рябь, и очарование момента нарушилось. Молодой человек закурил, и только теперь заметил, что он не один на балкончике. В нескольких шагах стоял Дмитрий. В одной руке он сжимал карандаш, в другой – блокнот, но взгляд его был устремлён к поднимающемуся над миром светилу.

Андрей поперхнулся дымом и закашлялся. Дмитрий обернулся.

– Доброе утро, – сказал Сабуров.

– Утро добрым не бывает, – ответил Дмитрий и улыбнулся. Такой печальной и вымученной улыбки Андрею ещё не доводилось видеть.

– Я Вам не помешал? – Сабуров кивнул на блокнот.

– Только не «Вам», а «тебе». Нет, не помешал. Я, знаешь ли, рифмоплёт. Думал, что обрету в этой поездке вдохновение. Я ищу его всегда и повсюду, но что-то в последнее время оно меня не жалуёт.

– О! Я никогда не встречал живых поэтов!

– И не встретите.

– Почему?

– Поэты – это такие существа, которые живут только тогда, когда плетут паутину слов, фраз и смыслов. Творят, иначе говоря. В этом они схожи с пауками: сплетут что-нибудь эдакое, а затем впадают в спячку – ждут. – Пауза. – Ждут... но не мух, а вдохновение, чтобы опять начать плести. Но я-то не поэт.

– Прочти, пожалуйста, что-нибудь.
– А стоит?
– Стоит! Я уверен!
– Вот, что вышло за утро, – и Дмитрий хорошо поставленным голосом принялся читать, выделяя нужные места. Иногда он почти кричал, а то сразу переходил, чуть ли не на шёпот.

Я устал лететь выше звёзд,
Выше солнца добра и мира,
Улыбаться в струях эфира
Маской сатира.
И смотреть на безудержный рост,
Перекинувших к знанию мост,
Тенью вампира.

Я устал лететь за мечтой,
И искать подходящего слова,
Не порвутся стальные оковы.
Грядущее снова
Укрывается за пеленой,
И над древней счастья стеной
Надпись: «Не ново».

Я устал...
Оттого, видно, сердцем и мал,

Оттого по ночам я не спал,
От вселенской тоски я устал.

– Круто! – выдохнул Андрей и зааплодировал.

Дмитрий смутился и уставился в пол.

Спустя пару секунд Сабуров тоже смутился, потому что понял: аплодировал он не один. Стоило обернуться, и его взору предстала Кира. Её серьёзные глаза озарялись глубокой солидарностью с Андреем.

– Ладно. – Сказал Дмитрий, – не буду вам мешать. Пойду. – И скрылся в своей комнате.

– Привет. – Сказал Андрей.

– Привет. – Ответила Кира и притянула его к себе, отпечатав на губах нежнейший, но никак не робкий поцелуй.

2

Они стояли, обнявшись, и тёплые лучики солнца ласкали их. Сколько это продолжалось? – Минуту? – Вечность? – Они не могли сказать. Им просто было хорошо вместе.

Наконец, она отстранилась.

– Извини, – сказала она.

– За что? – не понял Андрей.

– За то, что я вчера так быстро спать ухлопалась. Я же понимаю, что тебе хочется, – речь её стала сбивчивой, – но я не могу так сразу. Мне нужно время. И потом...

Он поднёс палец к её губам.

– Тс-с. – И вновь поцеловал.

Она положила голову ему на плечо, и глаза её заблестели от выступивших слёз. Он гладил её по волосам и смотрел на озеро.

Неожиданно Кира захихикала. Андрей оглянулся и тоже не смог сдержать улыбку: из четвёртого номера крадучись, будто вор, выбирался молодой парень – Гарик. Он всё ещё не замечал парочку, стоявшую на балконе, потому что смотрел в другую сторону. Одна его рука до сих пор оставалась в номере. Видимо, действительно что-то прихватил.

Не «что-то», а кого-то. Обнявшиеся не смогли удержаться от смеха, когда, ухватившись за его руку, из номера выбралась женщина с причёской шаром – Лиля. Оба были уже навеселе, несмотря на раннее время: ещё не было шести. Вероятно, со «вчерашнего» не отошли.

Услышав смех, оба вздрогнули и обернулись.

– А мы-то думали, все ещё спят. – Сказал Гарик, глуповато улыбаясь.

С вами за стеной выпишья, пожалуй, – подумал Андрей, а вслух сказал:

– Мы недавно встали.

Представились. Пожали руки.

– А мы вот тут прогуляться с ранья собрались, – сказала Лиля, запуская ладонь в волосы Гарика, а затем, подмигнув ему, сладострастным тоном добавила, – в лесок.

Они ушли под ручку, перемахнув ограду балкончика. Кира и Андрей смотрели им вслед. Уже отворачиваясь, молодой человек краем глаза уловил какое-то движение. Словно две птицы пролетели вслед за идущими. Нет, вроде показалось.

3

Утренний ветерок был довольно зябким. Кира пыталась согреться, обхватив себя руками. Андрей приблизился к ней и обнял покрепче. Она с благодарностью коснулась его щеки своей. С утра она тоже не пренебрегла душем, – аромат от неё исходил божественный.

– Слушай, – сказал Сабуров, – давай договоримся...

– Давай, – с радостью отозвалась девушка, – а о чём?

– Для начала ты не будешь забивать себе голову тем, что я якобы хочу.

– Хорошо.

– Я буду откровенен с тобой, и ты узнаешь всё, чего я на самом деле хочу от тебя.

Она, не отрываясь, смотрела в его глаза. Ей казалось, что она видит – там в их глубине – нечто большее, чем простой интерес. Оно ещё спит, но уже начинает просыпаться. Уже вот-вот откроет глаза, и тогда... Но об этом она думать боялась. Вдруг она ошибается, и это не любовь, а так – невинное увлечение?

Он же в её глазах видел благодарность и множество невысказанных вопросов.

– Я не против, если ты мне ответишь взаимностью.

Она коснулась его щеки губами.

– Не стану скрывать, – Андрей пытался говорить мягко, но всё же в его голосе проскальзывала горечь прошлых разочарований, – я хочу тебя, – он почувствовал, как она вся напряглась в его объятиях, – хочу быть с тобой физически, но я не буду торопить тебя, потому что... Да потому, что я много, чего хочу, но есть ещё то, чего я не хочу. Я не хочу, чтобы ты думала, будто единственное моё желание – переспать с тобой. Я не хочу, чтобы рядом со мной ты чувствовала себя неудобно. Я не хочу, чтобы ты была несчастна.

– Спасибо, – с робкой надеждой, почти сквозь слёзы.

– Я хочу любить и, возможно в первый раз в жизни, узнать, что же это: быть любимым. Я хочу видеть искорки света в твоих глазах, а слёзы только от счастья.

Она ещё плотнее прижалась к нему. Он почувствовал, что его организм реагирует на это очень притко. Она тоже заметила, но не отстранилась.

– Ты знаешь, – сказала Кира так тихо, что он едва смог расслышать её, – мне кажется... Нет, не так. Я уверена, что люблю тебя. Что ты мне не просто нравишься, а здесь что-то несоизмеримо большее. Будто мы вместе уже многие тысячи лет, просто последние лет сто мы не виделись, и вот, наконец, встретились после этой разлуки. – И со вздохом. – Наверное,

я говорю чушь?

– Нет, что ты, – сказал Андрей, проводя рукой по её щеке, – я мог бы сказать то же самое, но...

– Что?! – она беспокойно отпрянула.

– Но, прежде чем ты определишься со своими чувствами, обязан поведать тебе кое-что о своём прошлом.

– Скелет в шкафу? – улыбаясь, спросила Кира, возвращаясь в его объятия.

– Да, – кивнул парень, – и, судя по реакции моей бывшей девушки, это скелет бронтозавра.

4

Два года назад, когда Андрею едва исполнилось двадцать четыре, произошёл такой случай. Они с приятелем шли по тёмным дворам Питера провожать девушку того домой. Вдруг позади раздались гулкие быстро приближающиеся шаги. Андрей оглянулся; в тусклом свете, отбрасываемом окнами, он увидел двоих с бейсбольными битами. Те явно спешили по их душу.

Когда Сабуров повернул голову обратно, то его приятеля и след простыл, а девушка, дрожа, вжималась в стену дома, не в силах даже позвать на помощь. Неизвестно, что больше выбило её из колеи: появление двоих с битами, или же поспешная ретировка дружка.

– Ты тоже лучше убирайся к ёбаной матери, пока цел, –

крикнул один, размахивая битой, словно древнерусский воин – палицей, – нам она нужна, – не ты.

Андрей не отвечал. Он знал: вступить в перепалку – уподобиться противнику, поэтому молчал и не двигался с места.

– Уёбывай, – высказался второй, – или пиздец тебе.

Андрей молчал. Ну, в самом деле, не объяснять же им – пропившим, проколовшим последние мозги, – что он с семи лет занимается различными единоборствами.

– Ну, всё! – крикнул один и замахнулся.

– Молитесь, суки! – заорал второй и замахнулся.

В результате стычки: у Андрея три скользящих ушиба, у девушки – ни одного, у первого уличного бойца выбито три зуба и сломана рука, у второго – сломан нос и сильно зашиблен пах.

Всё хорошо. Но когда прибыла милиция, то выяснилось, что «сломанная рука» – сын полковника милиции.

Андрея посадили. К нему приходили «погоны», просили поменять показания; Сабуров отказался наотрез. На суде выяснилось, что это он пытался изнасиловать девушку, а ребята, по мере своих скромных сил, противостояли этому возмутительному факту. Ни о каких битах – ни слова. Свидетелей нашлось человек десять. Включая: ту самую девушку(!), её приятеля(!), двух примерных мальчиков (уже без бит) и с полдюжины жильцов соседних домов.

Срок грозил не малый. К тому ж статья: «Попытка изнасилования», не очень хороша сама по себе. Помог адвокат.

Он органически не переносил того самого полковника, чей сын был замешан в этом деле. Назначили психиатрическую экспертизу. Стоило Андрею заикнуться о голосе, как его тут же усадили в дурдом, а точнее в психиатрическую больницу усиленного режима содержания на принудительное лечение.

Через полгода он вышел оттуда. За деньги. За большие деньги. Помог отец. Но остались: инвалидность, диагноз и затаённая ненависть.

5

– Такой вот скелет, – сказал Андрей в заключение своего рассказа, во время которого он избегал смотреть Кире в глаза.

– Да разве ж это бронтозавр?! – воскликнула девушка; глаза её лучились радостью, – это так – мышь дохлая!

– Значит, тебя не волнует, что я – дурак со справкой? – Он тоже улыбался.

– Ну, если ты – дурак, то я – китайский штопор.

Они засмеялись.

– А как же голос? – не унимался Андрей, – ведь я действительно его слышу.

Взгляд Кире сделался серьёзным.

– Все слышат голос, – сказала она, – но мало кто может его услышать и понять.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Я сейчас тоже слышу голос, и он приказывает мне задушить тебя в своих объятиях.

Она набросилась на него. Он обхватил её за талию, но не удержал равновесия, и вместе с ней перевалился через перильца. Хохоча, они перекатывались по траве, ловя губами губы. Кира, сделав обманный манёвр, повалила Андрея на спину и забралась сверху. Он уже не сопротивлялся.

– Ну, всё! Ты – мой! – Выдохнула она.

Андрей открыл было рот, чтобы ответить, но тут...

6

Раздался душераздирающий крик.

Андрей и Кира вскочили на ноги в мгновение ока. Крик нёсся из леса и принадлежал без сомнения женщине, так что с большой долей уверенности было ясно, кто кричал.

Пока молодые люди лихорадочно соображали, что нужно предпринять, откуда-то сбоку вылетел парень лет двадцати и опрометью кинулся в сторону леса. Они и разглядеть-то его толком не успели. Следом выскочил Дмитрий и тоже помчался к лесу. Андрей и Кира последовали за ними. За их спинами также кто-то бежал в том же направлении.

Идиллия раннего утра была безжалостно разрушена дланью беспощадного рока. Что бы ни случилось там – в лесу, – это – Андрей чувствовал – выбивалось из рамок обыденности, а значит...

Шоу начинается, – подумал Сабуров, – ведь знал же, что не стоит... хотя...

Когда они остановились, чтобы перевести дух, Андрей выдохнул:

– Что-то подсказывает мне: не коровок доить нас привезли.

– Да. – Согласилась девушка. – Как-то всё слишком вульгарно; нарочито, что ли.

Не успела группа людей из здания добежать до опушки леса, как навстречу им, спотыкаясь, выбежала Лиля. Шар её волос разлохматился, да и весь облик женщины был весьма плачевным: вся в грязи, в волосах – листья, глаза красные, по щекам размазаны тина и слёзы. Довершала картину гримаса ужаса на её лице.

– Что случилось?! Что случилось?! – кричал парень, подбежавший первым (как чуть позже узнал Андрей, звали его – Миша).

Лилия не отвечала. Казалось, она начисто лишилась дара речи.

Тут подоспел Дмитрий и, вместо того, чтобы кричать, обнял её и принялся успокаивать. Рыдания, поначалу сдавленные, похожие на тяжёлые вздохи, наконец, вышли из её груди и прорвались наружу целым каскадом истерических завываний. На это было тяжело смотреть. Тем не менее, все встали, как вкопанные, и уставились на неё. Трезвость и рассудительность не утратил только Дмитрий.

– Ты, – он указал на Мишу, – сходи, посмотри, что стряслось. Андрей, помоги ему, пожалуйста. – И, обращаясь к Лиле. – Тихо, тихо, всё уже позади, всё хорошо, ты с нами, мы – твои друзья...

Углубившись в лес метров на пятьдесят, Миша и Андрей представились друг другу и пожали руки.

Идти по следу было не сложно: грязные Лилины туфли оставляли легко читаемые отпечатки. По ним ребята дошли до границы со смешанным лесом. Именно тут Сабуров побывал накануне. По правую руку осталась табличка:

«ГНИЛЫЕ БОЛОТЦА»

Дальше идти по следу стало ещё легче. Почва была мягкой и податливой. В ней, как в цементе на «аллее звёзд», отпечатались две цепочки следов в одну сторону, и одна неровная, более глубокая и размашистая – в другую. Однако они прошли едва ли пятьдесят метров, когда Андрей ухватил Мишу за плечо.

– Стой, дальше нельзя!

– Почему?

Сабуров молча указал на вторую табличку, прилепившуюся к дереву почти над их головами. Михаил прочитал вслух:

– Проход воспрещён! Опасно! Топь!

Он только присвистнул.

Вот это да! – подумал Андрей, – топь в таких живописных местах – это что-то из ряда вон.

Пришлось идти назад не солоно хлебавши.

Когда ребята вернулись, Лиля уже почти пришла в себя, хотя на неё по-прежнему было страшно смотреть. Андрей заметил, что, несмотря на раннее время, на опушке собрались почти все участники шоу. Был здесь и Влад, хлопотавший над несчастной женщиной. После необходимых процедур врач попросил рассказать, что же произошло.

Сбиваясь и постоянно срываясь на рыдания, женщина рассказала о случившемся. Полной ясности не появилось, но кое-что стало понятно.

Вот что рассказала насмерть перепуганная женщина.

7

Лилия и Гарик пошли прогуляться по лесу. Женщина не стала вдаваться в подробности, но все понимали, что прогулка эта носила чисто сексуальный характер. Видимо, им надоел секс в номере, под наблюдением видеокамер, и они решили уединиться.

– Давай, прогуляемся. – Предложил Гарик.

Лилия согласилась.

Едва они удалились в лес настолько, что не стало видно здания и озера, женщина сказала:

– Ну, что, может, здесь?

– Нет, – возразил Гарик, – сюда могут забрести такие же ранние пташки, как и мы. Помнишь тех двоих на балконе? – Не одни мы такие умные, так что пройдем ещё немного.

Увидев первую табличку, Лиля забеспокоилась.

– Смотри! – сказала она.

– Ерунда, – отозвался парень, – просто название какое-нибудь. Идём!

И они пошли дальше. Второй предупредительной таблички они попросту не увидели. Вскоре, когда почва стала совсем уж податливой, Лиля хотела сказать, что больше она не сделает ни шагу, но тут они увидели небольшой пруд.

– Во! – обрадовался Гарик. – Пройдём по краю немножко, там нас точно никто не найдёт, и я тебе такую жаркую оргию устрою, что...

Договорить он не успел, потому что сделал шаг, и тут же провалился в открывшуюся трясину по самые плечи.

– Помоги, – сначала шёпотом, – затем громче. – Помоги!

Женщина схватила его за руки и потянула на себя, но почувствовала, что сама начинает соскальзывать в топь. Она немного отошла, легла на живот, и в таком положении принялась вытягивать своего любовника. В каком-то фильме Лиля видела сходную ситуацию.

Помогло. Трясина нехотя отпускала Гарика. И вот, когда казалось, что опасность миновала, Гарик прошептал омертвевшим голосом:

– Лилечка, меня кто-то тянет за ноги.

– Что? – не поняла женщина.

Лицо парня находилось не более, чем в десяти-двенадцати сантиметрах от её собственного. В его глазах переливался

всеми оттенками первобытный мистический ужас.

Большого она разглядеть не успела, так как того будто бы с чудовищной силой дёрнули обратно вниз. Даже звука не успело сорваться с его губ. Лиля ринулась за ним, и сама едва не ушла в вязкую жижу. Тут над поверхностью показалась рука. Женщина вцепилась в неё, и, что было сил, потянула на себя.

Бесполезно.

Ещё сильнее. Вроде бы начало получаться. Тогда она собрала всю оставшуюся энергию и дёрнула торчащую руку.

Тяжести больше не существовало.

Она лежала на берегу болотца и судорожно сжимала оторванную руку.

Рука была тёплой на ощупь, но с другой стороны белела кость.

Лиля воззрилась на то, что осталось от её любовника.

В груди уже созрел крик.

Пальцы оторванной руки сжали ладонь женщины, словно в прощальном смертельном рукопожатии.

Лиля закричала, обезумев от ужаса.

Оторвала от себя руку, как пиявку, и, борясь с острым приступом рвоты, с омерзением бросила её в трясину.

Трясина приняла эту подачку.

– Я бежала со всех ног, – лепетала Лиля, захлёбываясь слезами, – в жизни так не бегала.

Рыдания вновь задушили её. Влад успокаивал женщину, как Дмитрий до этого.

– Ислан, – обратился он к кавказцу, стоящему невдалеке, – отведи её в номер, и дай вот это, – достал пару таблеток элениума. – Успокоительное, – ответил он на немой вопрос остальных, – сам принимаю. Пусть поспит немного.

Ислан взял таблетки, принял обессилившую от выпавших на её долю переживаний женщину и повёл её к зданию.

Андрей тем временем размышлял о произошедшем. Странно. Очень странно и страшно; до холода в животе. Вот только верилось с трудом. Впрочем, как и в то, что Влад принимает успокоительное: ну никак его образ не вязался с человеком нервического склада характера.

Влад попросил всех послушать, что он скажет.

– Уважаемые участники реалити-шоу «На лоне природы», то, что произошло, – действительно страшно, но не поддавайтесь панике. Лилия была пьяна, и поэтому многое из её рассказа может оказаться лишь галлюцинациями, вызванными спиртным и переживаниями, связанными с потерей друга. Я обещаю, не только, как врач, но и как человек, несущий за вас ответственность, что сам всё проверю. Вас же я

попрошу о двух вещах: во-первых, – держитесь подальше от «Гнилых болотцев», а во-вторых, – оставайтесь в игре. Всё самое интересное – впереди.

Шоу должно продолжаться! Шоу должно продолжаться, дорогие мои, а не заканчиваться, едва начавшись.

Все согласно покивали головами.

– Сейчас я покажу вам ферму и лесопилку, где вы сможете работать, если захотите. Идите за мной.

Цепочка людей двинулась за Владом.

Как стадо коров на убой, – мрачно подумал Андрей. Он поймал взгляд Дмитрия; тот, по всей видимости, думал о том же. Кира ещё не отошла от произошедшего. В глазах её дрожали слёзы.

9

Некоторое время назад.

Сумрачная комната без окон. Одну стену полностью занимают мониторы, большая часть из которых выключена. Те, что включены, транслируют картинки из одинаковых номеров под одним и тем же углом. Понять, что номер не один и тот же можно по людям, мелькающим на экранах.

Перед стеной с мониторами стоит стол с компьютером. За столом сидит человек и внимательно следит за тем, что показывают экраны. Лица человека не видно, но ясно, что он не равнодушен к происходящему.

Палец щёлкнул по кнопке клавиатуры, и на мониторе компьютера появилось изображение двух молодых девушек. Они сидели на сдвинутых койках и курили «косячок».

– Вот молодёжь пошла, – вслух сказал человек. – С другой стороны: то ли ещё будет.

Он снова щёлкнул клавишей. На экране появилась комната, занимаемая двумя мужчинами. Один жирный, как боров, другой – поджарый и высокий – кавказец.

Нажатие клавиши – появился звук.

– Ислан, – говорил похожий на свинью, – а тебе какие девочки больше нравятся: худые или упитанные?

– Любые. – Был ответ.

– А мальчики? Мальчики нравятся?

– Нэ знаю, нэ пробовал.

«Свин» подобрался вплотную к кавказцу.

– А ты попробуй. Девочки, конечно, хорошо, но мальчики – лучше, – с этими словами он прикрыл пах кавказца ладонью. Тот сделал вид, что оробел, но тут же пошёл в наступление.

– Ладна, угаварил. – И повалил «Свина» на живот, следующим движением спустив с него шорты.

– Тьфу ты, чёрт, – выругался человек за компьютером, – и вот это всё будут смотреть наши зрители?! А ведь они хотят это видеть!

Он погасил экран и воззрился на настенные мониторы. По большей части они показывали постельные сцены.

– Итак, что мы имеем? – Человек взял диктофон и начал наговаривать следующее. – Благодаря мощной работе психологов, у нас сложилось тринадцать пар из шестнадцати. Хорошо, но не отлично. Причём, одна из пар сложилась неправильно. Это уже плохо. С другой стороны, у них не дошло до постели – это хорошо, всё ещё можно переиграть. Да, ещё этот чёртов поэт – ни на кого смотреть не хочет. Ведь знал же, что с ним хлопот не оберёшься. Да ладно, шоу того стоит.

Итого: девятнадцать камер в работе, завтра – ещё тридцать две. Ну, держитесь, любители реалити-шоу!

Человек встал, прошёлся вдоль стены с мониторами. Две девчушки, накурившись, уже занялись лесбийскими играми, достав из вещей небольшой подростковый фаллоимитатор. Другие уже отдыхали после любовных утех.

Близился рассвет.

Человек позволил себе усмехнуться, обратив внимание на молодую пару, игравшую в шахматы. Причём, девушка – он знал это наверняка – готова была отдаться почти сразу. Всё дело в парне: родовая травма, стеснительность по отношению к противоположному полу. Мальчик никогда не был с девочкой.

– Надо ими заняться.

Тут его внимание привлёк монитор, на котором женщина с причёской-шаром и невзрачный паренёк, отхлебнув вина прямо из горлышка, вышли из номера.

– Ну, всё, пора действовать, – сказал человек, открыл

дверь, и вышел из комнаты.

10

Пытаясь отвлечься от неприятных мыслей, Андрей и Кира обсуждали ферму, которую показал им Влад. Дмитрий шёл чуть в стороне в полном молчании.

– Ты знаешь, – сказала Кира, – я бы хотела так жить: коровки, козочки, курочки...

– Ага, подъём в пять утра, вечное мычание-кудахтанье-блеяние под окном, никакой личной жизни. – С усмешкой высказался Андрей. – Давай, лучше я мычать научусь!

– Но с тебя же молока, как с козла, – возразила Кира, подхватив его саркастический тон.

– А это, смотря, как доить.

– Пошляк!

– А то.

Он обнял её крепче и поцеловал в щёчку. Она не возражала.

Им показали достаточно, чтобы условия игры стали более реальными, чем вчера. На ферме держали восемь коров, пару десятков коз. Рядом стоял небольшой инкубатор. За забором – огороженное поле, два трактора.

– Можете хоть картошкой засаживать, – сказал Влад.

У всего этого имелся свой обслуживающий персонал. Участникам шоу предлагалось учиться ухаживать за скоти-

ной, работать на земле и помогать по мере сил и желания.

Та же история и с лесопилкой.

Несмотря на свою язвительность, Андрей тоже был заинтересован. Спору нет, он – городской житель, но было во всём этом что-то такое, что сближало. Помогало учиться любить окружающий мир.

Глава третья. Новая роль

1

Когда в поле зрения показалось их временное жилище, к Андрею подошёл Влад и сказал:

– Пойдемте, поговорить надо.

– А что такое? – спросил Андрей.

Ему очень не хотелось оставлять Киру одну даже на непродолжительное время.

– Пойдёмте, пойдёмте, – улыбнулся Влад, – ничего с Кирой Александровной не случится за пять минут. Да и Дамиан за ней присмотрит. Правда, Дамиан?

Дмитрий кивнул в знак согласия.

Андрей ещё раз взглянул на Влада: нет, вроде бы ничего подозрительного. Ещё раз поцеловав Киру, Сабуров отправился вслед за врачом.

Отстав от основной группы, Влад помедлил, закурил. Андрей последовал его примеру.

– В чём дело? – Спросил Сабуров; люди уже удалились на такое расстояние, что не могли услышать их беседу, а врач всё ещё не торопился говорить. – То, что Вы хотите мне сказать, как-то связано с утренним случаем?

– И да, и нет. – Помедлил.

– Как это понимать?

– Андрей, Вы уже не маленький, должны понимать, что это происшествие может распутать всех участников, несмотря на то, что гонорар им обещан приличный.

– Понимаю, но я-то здесь причём?

– Я сегодня разговаривал с руководством. Ты здесь недолго, но успел зарекомендовать себя с очень хорошей стороны. В тебе есть качества прирождённого лидера.

– И?..

– И меня попросили передать тебе предложение стать, как бы сказать, вожаком участников на время игры. Лидером, одним словом. Ты согласен?

– А они примут меня в качестве лидера?

– Это не должно тебя волновать. Естественно, твой гонорар удвоится. Так согласен?

– Не уверен, что смогу...

– Согласен? – Почти ледяной тон.

– Да, согласен, – на размышления времени не было, но он не видел подвоха. По сути, он остаётся со «стадом», но становится пастухом. В этом были и свои плюсы: он сможет влиять на ход игры, контролировать... Хотя, сможет ли? – Дадут ли ему? – Вот в чём вопрос.

– Я был уверен, что ты согласишься, инструкции передам позже. – Он уже собрался идти, но вдруг обернулся и, не глядя в глаза, сказал:

– Да, вот ещё что...

Холодок пробежал у Андрея в груди. Интуиция редко подводила его. Сейчас же она просто кричала, что на деле всё гораздо хуже, чем он думает.

– Это насчёт Киры Александровны. – Проговорил Влад.

– Что с ней? – С замиранием сердца.

– Извините за бестактный вопрос: вы с ней спали?

– Это имеет значение?

– Да.

– Нет, не спали.

– Андрей, – казалось, врач говорит всё это через силу, следуя лишь долгу, – сегодня мне переслали результаты экспресс-обследования, которое вы проходили перед тем, как подписать договор... – запнулся.

– Она чем-нибудь больна? – Душа уже с минуту обживалась в пятках.

– Понимаешь... скорее всего она сама этого не знает... Она носитель ВИЧ.

– Нет!!!

– К моему великому сожалению.

Андрей едва не расплакался, как маленький, но совладал с собой.

– Это точно?

– Я заказал оригинал эпикриза. Как только прибудет, я с ней поговорю. Сами даже не пытайтесь, – только напортите. Я лишь предостерёг Вас от падения в бездну, из которой нет возврата.

Сабуров молчал.

– В конце концов, в проекте задействованы и другие де-вушки, почему бы Вам...

– Да потому, что я люблю её! – вскричал Андрей.

– Я понимаю тебя, – тон стал весьма дружеским, а вкупе с переходом на «ты», располагал на все сто, – я тоже любил в твоём возрасте. Я готов был горы ради неё свернуть, а она... Она оказалась обычной шлюхой и нимфоманкой.

– Но...

– Я не говорю, что Кира такая же, нет, просто иногда разум должен пересиливать чувства.

– Ясно. Я приму это к сведению, но не жди от меня, что я поволокусь за другими юбками.

– Не жду. Надеюсь на твоё благоразумие.

– А можно тоже нескромный вопрос? – поинтересовался Андрей.

– Валяй.

– Зачем ты выяснял: спал ли я с Кирой, ведь всё здание просто утыкано видеорекамерами?

– Я не имею доступа к записям.

Он поверил. Было во Владе что-то такое, что не позволяло считать его лжецом. Уверенность в своих словах, или, может быть, искренность во взгляде, Андрей не знал, но верил, и от этого очень тяжело становилось на сердце. Хотелось выть.

До номера Андрей шёл, как в тумане. Со стороны он выглядел, как «обдолбившийся» нарк. Тяжесть, казалось, физически наваливалась на плечи и придавливала к земле. Разом всё вокруг утратило свою красоту и таинственность. Чувство полного опустошения и вновь обретённого одиночества выворачивало душу наизнанку.

Сперва мысли крутились вокруг вопроса: «Как ей помочь?» – «Невозможно» – следовал ответ. Потом: «Как помочь себе?» – Нет ответа. И, наконец: «Что делать?» – Но это уже классика. Впрочем, оставался шанс, что всё это – ошибка. Но, Боже, каким призрачным он был.

Кира ждала его.

– Что случилось? – В голосе – волнение, в глазах – настояженность. – Что он тебе сказал? На тебе лица нет.

Андрей с притворным испугом дотронулся до лица.

– Да нет, вроде на месте. – Улыбнулся.

Робкая улыбка коснулась и её губ.

– Влад предложил мне лидерство в проекте.

– Правда?!

– Не знаю, смогу ли я.

– Милый, да это же замечательно! – воскликнула она и бросилась ему на шею, – расцеловать и сказать, что он самый лучший.

Он принял её в объятия, и первым его порывом было обхватить её и никуда больше не отпускать, а, может, и убрать-ся отсюда подальше вместе с нею, жениться, и будь, что будет. Вторым – отбросить её, как чумную. Пришлось зарывать лицо глубже в её волосы, чтобы ей не удалось прочесть на нём душевные борения между двумя этими порывами.

– Нет, с тобой точно что-то не так, – сказала Кира, отстраняясь и ища глазами его взор.

Тем временем Сабуров уже взял себя в руки. Хотя бы чисто внешне. Он перестал прятать глаза.

– Да я ещё от утреннего не отошёл.

– Я тоже.

Она прижалась щекой к его груди, а он уже ненавидел себя за неспособность сказать об истинных причинах. Но Влад просил его не делать этого. Да и вдруг не подтвердится?..

– Жаль парня, – продолжала Кира тем временем, – но мы-то живы – и это главное. – Она посмотрела на него. Снова робкая улыбка.

– Да, наверное, ты права. – Андрей высвободился из её объятий. – Приму душ.

3

Позвали на завтрак. Только девять утра, а сколько всего уже произошло, – подумал Сабуров. Есть не хотелось абсолютно. Но раз ему нужно стать лидером, то требовалось при-

сутствовать. Он должен знать всех участников.

За своим столом он знал всех. Хуже всего выглядело пу-
стовавшее место рядом с Лилей. Его, правда, попытался за-
нять «мачо» по имени Максим с соседнего стола, но Андрей
не позволил: слишком уж по паучьи тот смотрел на Киру.
Девушка подразумевалась мухой.

– Да ты кто такой, чтобы мне указывать? – возмутился
Максим.

– Скоро узнаешь, – последовал ответ.

– Да, нечего тебе здесь делать, – поддержал Сабурова поэт.

Максим сверкнул глазами, и занял своё прежнее место за
соседним столом.

Там, помимо «соплюшек», как Андрей обозвал девчонок,
напоминавших ему попсовую группу, «мачо» и вчерашней
смазливенькой девчушки по имени Маша, сидел Миша, пер-
вым выбежавший утром на крик. Рядом, по-видимому, его
девушка – Валя. Ещё одна пара: Герман и Анжела. Если бы
здесь находился человек, не спускавший всю ночь глаз с мо-
ниторов наблюдения, то он обязательно узнал бы последнюю
пару. Это именно они чуть ли не до рассвета резались в шах-
маты.

Андрей перевёл взгляд на следующий стол. Он заметил,
что, знакомясь с коллегами, отвлекается от тяжких разду-
мий, и ему становится легче.

Но тут Дмитрий положил ладонь на его руку.

– Андрей.

– Что? – с неудовольствием.

– Шепну кое-чего.

Они склонились друг к другу.

– Слушай, – шептал поэт, – тот тип, что напротив Киры хотел сесть, он ни на минуту от неё не отходил, пока тебя не было. Даже в номер хотел зайти. А она – молодец – отшила. Но он же её одними глазами сожрёт.

– Спасибо, – поблагодарил Андрей, – по крайней мере, я знаю теперь, что на тебя можно положиться.

Повернул голову. Взглянул Кире в глаза. События последних двух дней научили его замечать мельчайшие подробности в облике собеседника, обострилось восприятие, иногда ему казалось, что он может читать визави, как открытую книгу. Но не было уверенности, что он на сто процентов верно трактует прочитанное.

В глазах Киры застыло беспокойство. Не за себя, точнее, не только за себя, а, в первую очередь за Андрея. Она тоже доверяла интуиции, и та говорила ей, что что-то происходит. Что-то нехорошее. В какой-то особо мрачный момент она едва сдержалась, чтобы не сказать ему: «Давай, всё бросим и уедем отсюда. Плевать на деньги, плевать на шоу, у нас вся жизнь впереди. Жизнь, в которой хотя бы перед любимым человеком не надо играть».

Она ничего ему не сказала. Побоялась, что не сможет аргументировать свои слова, а их роман ещё не на той стадии, чтобы безусловно доверяться другому. А жаль...

Андрей наклонился к ней.

– Это правда, что вон тот мачо – Максим, кажется его зовут – клеился к тебе?

– Ревнуешь? – вскинулась Кира.

– Нет, – ответил Андрей, – ты же не даёшь повода, – улыбнулся, – просто не хочу, чтобы тебе досаждали.

Она сразу оттаяла.

– Извини.

– Бывает. Хотя ссоры в период ухаживаний могу сравнить только с зелёным бананом, который уже начал гнить. – Кира прыснула в кулачок, в глазах мельтешили чёртики. – Больше доверия, – закончил Андрей.

– Больше доверия, – словно молитву, повторила Кира, – и...

Её слова прервал звонок мобильного телефона.

– Да, – Сабуров уже принимал вызов. Кира картинно надула щёчки.

4

– Андрей, это Влад, – раздалось с того конца.

– Слушаю.

– Думаю, нам лучше вдвоём сходить на болото. Я, сам понимаешь, – в стороне. Мои функции: связь и защита от микробов, вирусов всяких там, поэтому...

– Я согласен, о чём речь.

Самому себе было стыдно признаваться, что подсознательно он уже любыми способами пытается избегать своей подруги. Его тошнило от одной мысли об этом, но факты, как говорится, – вещь упрямая, и против них не попрёшь. Вместе с тем он понимал, что с каждым часом любит Киру всё сильнее. Очень скоро это противоречие грозило разорвать его пополам. Отделить разум от сердца. Это он тоже прекрасно понимал, как и то, что нужно отвлечься, иначе можно снова попасть в «психушку», но на этот раз с реальным «сдвигом».

– Извини, Лапа, – он поцеловал девушку в губы, и тут же поймал себя на том, что вспоминает, какими путями может передаваться ВИЧ. – Работа.

– Удачи.

5

Поначалу шли молча. Андрей копался в себе, но всё больше запутывался. Влад, словно угадывал его мысли, и не вмешивался. Однако, когда они дошли до первой таблички, врач скинул рюкзак, извлёк из него моток верёвки и сказал:

– Свяжемся на всякий случай.

Андрей кивнул и принял один из концов.

– Не жидковата?

– Шёлк с кевларом, по прочности почти как стальной трос той же толщины.

– Хорошо подготовился.

– Не люблю неожиданностей.

– На мой взгляд, они здесь на каждом шагу, – Сабуров невесело усмехнулся.

– С одной стороны. С другой стороны, можно подготовить себя ко многим неожиданностям, и тогда они не смогут задеть тебя, поскольку перестанут быть таковыми по определению. К примеру: идёшь на болото, берёшь с собой прочную верёвку...

– Ага! И того, кого к ней можно привязать, – закончил за него Андрей. – А что дальше?

Влад пожал плечами.

– По-моему ты всё излишне драматизируешь.

– Ко всем неожиданностям не подготовишься.

– К ним – нет, к тому, чтобы принять их – да.

– Но я не хочу принимать! Не хочу мириться с ними!

– Это уже слабость.

Андрей открыл было рот, чтобы что-то сказать, но закрыл, не проронив ни звука. Лицо его пошло пятнами.

Дальше шли в связке, как завязанные альпинисты. Вскоре показалось болотце.

– Лужица, – фыркнул Андрей.

– Ты ж из Питера? – спросил Влад.

– Ага.

– У вас там тоже болота есть.

– Там болота – так болота, а это...

– Не надо так пренебрежительно относиться к этому месту. Оно уже прибрало одного из нас. Давай, лучше оглядимся.

Почва под ногами хлюпала и пузырилась. Как Сабуров не вглядывался, не мог увидеть никаких следов того, что утром здесь разыгралась трагедия.

– Топь хранит свои секреты и тщательно оберегает их от чужих глаз. – Будто бы прочитав его мысли, проговорил врач. – Осторожнее!

Андрей действительно едва не провалился и теперь сосредоточился на том, чтобы ступать след в след за своим провожатым. Ещё около получаса двое мужчин пробродили по краю трясины. Ничего. Спокойствие, как и сто веков назад.

– Думаю, нам придётся ограничиться тем, что просто закроем доступ сюда, – сказал Влад.

– Не вижу никакого другого пути, – согласился Сабуров.

– После обеда сделаешь объявление, что те, кто придёт сюда, будут выдворены из шоу.

– Станут они меня слушать, как же!

– Станут, станут. – В голосе врача звучала твёрдая уверенность. – Я всё устрою, будь спокоен.

Влада отвлёк треск веток вдалеке, и в этот момент Андрей заметил под ногами буроватый кусок тряпки. Он быстро поднял его и сунул в карман.

– И ещё, – сказал Влад, – попроси никого не говорить об этой трагедии своим родственникам и знакомым.

– Почему?

– Они могут всё напортить, сам понимаешь, – Андрей кивнул, – руководители проекта сами сообщат, куда следует. Тем более что у нас нет никаких доказательств.

Андрей не понял, о каких доказательствах идёт речь, но переспрашивать не стал.

6

Когда Влад с Андреем вышли на опушку, обсуждая заботы сельского хозяйства, то оказалось, что проблемы этого дня ещё далеко не исчерпались.

Издали они заметили растрёпанную фигурку, бегущую в их направлении. Это был Герман. Когда он подбежал ближе, то Андрей увидел растерянность в его бледном лице. В глазах смешались горе и надежда.

Приблизившись, Герман заступил им дорогу, но из-за частой одышки не мог ничего произнести. Из него вылетало лишь одно слово, точнее – имя:

– Анжела!.. Анжела!.. Анжела!..

Наконец, дыхание парня восстановилось. Влад взял его за плечо, притянул поближе к себе и, глядя прямо в глаза, спросил:

– Герман, что случилось?

– После завтрака, – начал он, запинаясь, – после завтрака я решил пойти позагорать. Анжела не пошла. – Было видно,

что волнение доводит его до нервной дрожи. – Сказала, что отдохнёт. Я сразу почувствовал: что-то не то, но пошёл. Господи, я на ней жениться хотел, а она...

– Говори толком, что случилось, – рявкнул Андрей. Во взгляде Германа появилась растерянность.

– Одним словом, я вернулся, а её нет. Нигде нет. Только вот это на шахматной доске осталось. – Он потряс перед лицом собеседников листком бумаги. – Подумать только, поставила шах белому королю, и исчезла! Я всё облазил, и пошёл искать вас. Вот.

Он хотел говорить и говорить о своём несчастье, но понимал, что важнее, чтобы Влад и Андрей, да и вообще все участники шоу начали искать Анжелу. Он стал похож на рыбу: открывал рот и – всё.

Влад взял у него из рук листок. Не прошло и двух секунд, как он передал его Андрею. Тот взглянул. Только три слова, выведенные наспех, но красивым почерком:

«Ты слишком нерешительный»

Сабуров взглядом спросил врача: что делать будем?

– Искать, – ответил тот вслух.

7

Вернувшись во временное жилище, Андрей не застал в нём никого. Здание, словно вымерло. Новоиспечённый ли-

дер хотел уж было испугаться, что стадо его разбежалось, но смекнул: все либо на ферме и лесопилке, либо на озере. Он подумал, что ему надо бы присоединиться ко всем, но потом решил сделать это после обеда, – организм требовал отдыха.

Он прилёг на койку, и почти тут же провалился в глубокую дрёму, успев подумать только о том, что сейчас самое время посоветоваться с голосом, но тот, как назло, не отвечал.

Захвативший Андрея сон, не был спокойным. Несмотря на то, что Влад пообещал сделать всё возможное, чтобы найти Анжелу, видение началось с того, что он пытался отыскать её... в трясине, но нашёл только испачканное кровью платье и свежие кости. Потом он за кем-то гнался, потом кто-то гнался за ним. Сосед поэт превращался в какого-то монстра...

От тяжких сновидений его пробудил лёгкий толчок в плечо. Он открыл глаза. Над ним стоял Влад.

– Что ещё стряслось?

– Ничего особенного, – ответил врач, – одна из девушек – Маша Светлова – получила солнечный удар. Пойдём, поможешь.

– Слава богу, – с облегчением выдохнул Андрей.

– Нельзя так говорить, – с укоризной произнёс Влад, – солнечный удар – это не шутка.

– Я побоялся, что снова что-нибудь серьёзное стряслось. Кстати, как там наша беглянка?

– Бегает. Пока. Но дальше города она уйти не могла, – и, подумав, добавил: – если только на попутках, но это накладно.

Сабуров кивнул и пошёл вслед за Владом. Они поднялись на второй этаж. Андрей поймал себя на мысли, что за сутки, проведённые на шоу, он ни разу не заглянул сюда. Они проходили через комнату отдыха. Тут было два биллиардных стола, ещё пара столов для пинг-понга, игровые компьютеры, ломберные столики, небольшой бар, – выглядело всё это очень мило.

Они подошли к медпункту. На скамейке возле двери с видом крайней утомлённости их ожидала особа, пытавшаяся за ужином усесться рядом с Андреем. Она с напускной небрежностью мазнула по Сабурову взглядом; тот, почувствовав повышенное внимание, сразу же внутренне подтянулся. Зачем он здесь?

– А, может быть, это вовсе не удар? – тон жалобно-просительный. – Может, просто мигрень разыгралась? У меня такое бывает, когда половая жизнь нерегулярная; вот как сейчас.

Андрей старался не смотреть на неё, но ощущал на себе буравящий взгляд её карих глаз.

– Сейчас разберёмся, милочка, – невозмутимым голосом ответил врач, отпирая дверь медпункта. Внутри он усадил её на кушетку, измерил давление, дал градусник. Всё это время она уже без всякого стеснения оглядывала Сабурова.

Однажды, встретившись с ней взглядом, Андрей понял, что нравится ей. Очень. Как самец. Не было в её бесстыжих глазах ничего возвышенного, одна плотская похоть.

– Я нужен? – спросил он, мечтая поскорее смыться.

– Да, Андрей, – развеял его тайную надежду Влад, – мне сейчас надо будет на склад отойти за лекарствами, а ты посмотришь за повязкой, которую я сделаю.

Ещё и наедине оставляет, – подумал молодой человек, – вот змей.

– Температура повышена, – констатировал Влад, глянув на градусник, – ложитесь.

– Раздеваться? – с надеждой спросила Маша.

– Нет, милочка, раздеваться не надо. Я Вам повязку на голову сделаю, дам таблетку и схожу за лекарством, что на складе в холодильнике, а Вы полежите, расслабьтесь, может быть, само пройдёт.

Сделав повязку, Влад ушёл. Андрей посмотрел на часы: время к обеду, скоро все возвратятся в здание.

8

– Андрюш, почему ты избегаешь меня? – елеиным голосом спросила Маша.

– С чего ты взяла? – Взгляд в пол.

– Что я, слепая что ли? Я тебе не нравлюсь. – Её аппетитная грудь призывно топорщилась под топином.

Андрей оглядел её придирчивым взглядом с ног до головы и не нашёл никаких недостатков, кроме, может быть, слишком смазливой личика. Хотя вряд ли это можно считать недостатком. Пришлось признаться себе в том, что если бы не Кира, то он закрутил бы роман с Машей. Всё было, как говорить, при ней: стройная, жгучая; такие обычно не остаются без парней, более того, отхватывают самых лучших.

– Нравишься, – наконец, сказал Андрей. Внезапно он поймал себя на том, что даже сейчас гадает, какова она без одежды, которой на ней и так практически не было. – Просто я люблю другую.

– Ой-ой-ой! – притворно заохала Маша и показала Андрею язык (премиленький язычок, кстати). – Любовь! Да что это такое?! – Она даже не дала тебе ночью! Что это за любовь такая?!

– Ну... Знаешь ли!

– Вот я бы тебе сразу дала, потому что такой жеребец, как ты, наверняка знает толк в горизонтальных танцах.

– Кто тебе сказал?! – взорвался Сабуров.

– О чём?

– О том, что она не... о том, что мы не спали.

– Сказали. – И со сверкающими глазами. – Так значит это правда?! Ну и дура!

– Не смей её так называть!

– Хорошо, не буду. У меня, по-моему, компресс съезжает.

Андрей поднялся, приблизился к ней. Повязка действительно немного съехала вбок. Не надо было паясничать, – подумал он.

Больше он подумать ни о чём не успел – так стремительно развивались события. Стоило ему прикоснуться к компрессу, как Маша обхватила его руками и притянула к себе. От неожиданности он потерял равновесие и оказался в её объятиях. Губы девушки жадно и требовательно искали его губ. Ногами она обхватила его поясицу и повела бёдрами так, что у Андрея дух спёрло, а в низу живота напряглось.

В этот момент дверь медпункта открылась. Андрей вырвался из похотливых объятий. В проёме стоял Влад с каменным выражением лица. Из-за его плеча выглядывала Кира.

9

Тысяча разных мыслей пронеслась в голове Андрея за одно-единственное мгновение, но всё это были сплошные обрывки оправданий. Он даже едва не брякнул: «Кира, это не то, о чём ты подумала». Но потом решил, – к чёрту, не стану я оправдываться.

Он взглянул на Киру. Как ни странно, но она едва сдерживала улыбку, и только пыталась казаться серьёзной.

– Андрей, Вы свободны, – сухо сказал Влад, заходя в кабинет. Но сквозь сухость прослеживалось сожаление, что всё так получилось.

Сабуров вышел; девушка взяла его под руку.

– Скажи, Андрей, это же не то, о чём я могла бы подумать? – спросила Кира.

Оба прыснули.

– Сексуальная маньячка, – проговорил Андрей. – Притом, по-видимому, нацеленная именно на меня.

– С чего ты решил?

– Она ещё вчера пыталась устроиться рядом со мной.

– Как и «мой» «мачо» сегодня.

– Точно...

– Слушай, милый, а ты ещё не уверился, что эта игра заключается совсем не в ухаживании за коровками?

– Так-так-так, дальше.

– Мне кажется, что тут другая подоплёка. Группу ни о чём не подозревающих людей вывозят в тихое место, и там начинают экспериментировать с их чувствами и эмоциями. Для этого в группу включены подставные лица.

– Типа Максима, или Маши?

– Да, – согласилась Кира, – вот только количество этих подставных лиц – неизвестно.

– Я подумал было о том же, но утреннее происшествие опровергает эту версию. – Вспомнив о клочке ткани, подобранной на болоте, Андрей автоматически дотронулся до кармана.

– Почему?

– Нельзя было допустить такого нарочно.

– Нелепая случайность.

– Если бы тут было всё так серьёзно продумано, таких случайностей попросту не могло бы быть.

Кира пожала плечами. Они вошли в номер. Андрей закрыл дверь, а, повернувшись, увидел лицо девушки близко-близко.

– Но, – продолжил он тему, – ты же не думаешь, что такую истерику, как была у Лили, можно разыграть.

– Нет, не думаю. – Её глаза светились сверхъестественным огнём. – Ладно, хватит об этом. Ты лучше скажи: из моих объятий ты не будешь вырываться?

– Не буду.

– Кто бы ни вошёл?

– Кто бы ни вошёл.

Она приникла к нему. Губы слились в долгом чувственном поцелуе. Андрей ощутил разницу между грубым и пошлым требованием несколько минут назад и страстным желанием наивысшей любви во всех её проявлениях сию минуту. Его руки легли ей на спину. Правая соскользнула ниже и подтолкнула её к нему. Девушка с удовольствием прижала его к двери, чувствуя, как в ней и в нём рождается огонь, с той лишь разницей, что она размягчалась, а он был твёрд, как скала. Её рука тоже соскользнула вниз.

Снаружи раздался звонок, созывающий всех участников на обед. Он не только напомнил Андрею, что тот должен присутствовать, но и разбудил задремавшие было страхи по

поводу здоровья девушки.

– Может, забьём, а? – с надеждой спросила она.

– Нет, Кирхен, не получится, ты же знаешь, кто я у тебя. Мне надо там быть.

Со вздохом разочарования она отступила в глубину комнаты.

10

Обед задерживался. Все уже собрались за столами, но дверь в кухню была по-прежнему плотно притворена.

Сабуров воспользовался моментом и оглядел третий стол. Самой харизматической фигурой, сразу бросающейся в глаза, там был белобрысый парень. Он непрестанно прикалывался и веселил своих соседей по столу. С каждой стороны от него сидела девушка, и было совершенно неясно, какой из них он оказывает больше внимания. К таким обычно ещё со школы прилепляется прозвище: «Казанова». Его звали Саша. Девушки: сидящая справа – худенькая, с лицом озорной мартышки – Люба. Сидящая слева – серьёзная и статная – Рита. Рядом стопроцентный «ботаник» – Гриша; даже очки присутствовали. Напротив него, с другого торца стола – Лиза, – эта вообще, кажется, не замечала, что происходит вокруг неё, а витала где-то в иных мирах. Она была красива, но красотой не чувственной, а поэтической. Так могла бы выглядеть Мельпомена. Спиной к Андрею: угрюмый дядька –

Юра – психиатр, его пассия – Катя – невзрачный комок нервов. И – последний – парень по имени Лёша, занимающийся в основном тем, что смеялся над Сашиними приколами. К его облику пока добавить нечего.

Дверь в обеденный зал отворилась; вошёл Влад. Подмышкой он держал миниатюрный дипломат, который при ближайшем рассмотрении оказался ноутбуком. Врач раскрыл его и поставил таким образом, чтобы экран был виден всем.

Он откашлялся и сказал:

– Сейчас к вам обратится руководитель проекта, пожалуйста, пожалуйста.

Разговоры и смешки смолкли. Он нажал на клавишу воспроизведения, и на экране появился седой, что прилетал вчера на вертолёте. Андрей подумал, что это, как раз та внешность, которую называют внушающей доверие. Чем-то он даже напоминал президента. Манерой держаться в первую очередь.

– Уважаемые участники шоу, – вещал тем временем седой, – мы знаем, что у вас случилось. Это действительно ужасный несчастный случай. Мы сделаем всё, чтобы ничего подобного впредь не повторилось. Но и сами будьте осторожны. Не ходите на болота. И оставайтесь в игре, вы не пожалеете.

Ещё одно объявление. В вашей среде мы нашли человека, к которому вы сможете обращаться по всем текущим вопросам, не касающимся, однако, условий проведения нашего ре-

алити-шоу. Человек этот – Андрей Сабуров. На наш взгляд он достоин стать лидером. Просим любить и жаловать.

Запись окончилась. Влад знаком показал Андрею, чтобы тот встал. Молодой человек подчинился. Его встретили дружными аплодисментами.

Он понимал, что надо что-то сказать, но все подходящие для таких случаев речи, куда-то запропастились, затерялись и канули в дебрях сознания. Он перевёл взгляд на Киру. Та прямо-таки лучилась гордостью за него. И на него снизошло вдохновение.

– Друзья, – начал он...

Глава четвёртая. Призраки в игре

1

Выступил он на «ура». И это несмотря на то, что ещё не до конца осознавал суть своих новых обязанностей. В заключение речи он попросил не разглашать утренний несчастный случай. Все пообещали. После обеда подошёл Герман.

– А что со мной... с моим делом? – потеранным голосом спросил он.

Андрей с упавшим сердцем смотрел на него.

– По последним данным Анжела не покидала город.

– А, может, мне стоит поехать туда? – Блеск надежды в глазах.

– Не думаю, что это разумно.

Герман уставился в пол.

– У тебя к ней всё так серьёзно? – поинтересовался Сабуров.

– О, да! – Глаза горят, – не лгут. – Я хочу жениться на ней!

Андрей едва удержался, чтобы не спросить, не потому ли это, что она здорово играет в шахматы. Невольный смешок пришлось прятать в кулак.

– Всё будет хорошо, – заверил он Германа, похлопал его по плечу и пошёл в свой номер.

На ферму отправились почти все. Есть что-то в душе русского человека, что притягивает его к естественному образу жизни. Только Аня и Таня – девчушки-проказницы – смылись на озеро: купаться и загорать.

Андрей шёл вместе со всеми. Они в полном составе сочли своим долгом подойти и поздравить его с повышением. Маша пыталась чмокнуть его в щёку, но он увернулся от этого акта проявления радости, да так ловко, что Кира, державшая его за руку, невольно вспомнила фильм: «Матрица».

– Ах, ты мой Нео. – Прошептала она, когда девица, ничуть не смутившись подобной реакции, удалилась.

Подошёл белобрысый Сашка и дружелюбно поинтересовался:

– А ты знаешь, в чём разница между ослом и погонщиком ослов?

– В чём?

– Осёл не думает о том, что он – осёл, а погонщик об этом просто не догадывается.

Посмеялись. Обменялись рукопожатиями. Сашка пошёл вперёд, подхватив под руки Риту и Любу. Сзади них, словно хвостик, плёлся Гриша. На лице его застыло трагическое выражение хрестоматийного рогоносца.

Кто-то осторожно, пугливо дотронулся до плеча Сабурова

и тут же убрал руку. Андрей обернулся. На него смотрела сама печаль: Лиза с третьего стола, – припомнил он.

– Можно с Вами поговорить. – Подавляя желание спрятать лицо в руки и убежать, спросила она.

– Андрей Викторович, да Вы становитесь популярным. Просто нарасхват. – Кира иронически улыбалась, говоря это, но было видно, что где-то в глубине она хочет схватить своего парня и утащить далеко-далеко, и чтобы ни одна девушка не морочила ему голову. – Надо подсуетиться, а то останется сапожник без сапог. – Она уже удалялась, оставив Андрея и Лизу тет-а-тет.

– Что ты хотела? – Они шли рядом.

Девушка слегка смутилась. Ей непривычно было обращение на «ты», но бесспорно нравилось. Семья учителей, привитые с детства высокие идеалы, и – как итог – практически полная несовместимость с большинством реалий современного мира. Беда Лизы заключалась в том, что она нигде, кроме родной библиотеки, не чувствовала себя «в своей тарелке».

– Я к Вам... к тебе обратилась не потому, что... ты главный. Нет. Ты не похож на остальных. Андрей, скажи: каков смысл сего мероприятия?

– Прежде всего, это – шоу...

– Это я понимаю! – прервала его Лиза и тут же стушевалась. – Простите. И насчёт сельского хозяйства я всё понимаю. Не могу понять, зачем же тогда нужна вся эта пош-

лость? Зачем заставлять участников спариваться? При чём тут вообще секс, простите? Знаешь, ко мне уже приставали. Вон тот парень – Алексей его, кажется, зовут.

Наконец-то Сабуров понял, что хочет от него эта особа. Объяснений? – да, но и не только.

– Пойми, Лиза, интимная сторона жизни участников шоу чрезвычайно интересна зрителю. Рейтинги неуклонно ползут вверх, а организаторы набивают свою кошелёк.

– Да разве такое может нравиться?! – Глаза её едва не выпрыгивали из орбит. – Это же аморально!!!

– Мы живём в такое время, что чем меньше морали, тем больше денег. А деньги – главная цель, которая оправдывает любые средства.

– То, что ты говоришь, – просто ужасно. – Она закрыла лицо ладонями. Жест получился почти театральный. И тут Андрей понял, что она напоминает ему какую-то актрису, но вспомнить, какую именно оказалось выше его сил.

– Такова реальность, – резюмировал Андрей.

– Ты прав. Я, наверное, слишком чувствительна. У меня есть просьба.

– Да, слушаю.

– Пусть эти организаторы творят, что хотят. Я здесь не потому, что мне нужны деньги, слава или спаривание. Мне здесь очень нравится. Я нашла место, где могу отдохнуть душой от этой душной, зачухавшейся Москвы. Прошу тебя, поговори с этим Алексеем, пусть не лезет ко мне.

– Хорошо.

– Нет, на самом деле мне нужен друг. Именно друг, с которым можно поговорить, обсудить прочитанные книги, поплакать над чем-то, но мне не нужен самец.

– Я всё понял, Лиза. Кстати, ты не пишешь стихов?

Она пожала плечами.

– Раньше писала.

– А то есть у нас тут один поэт.

– Дмитрий?

– Да.

– Он тоже хороший, как и ты, но какой-то дикий что ли. Боюсь иногда смотреть ему в глаза. Такое впечатление, что за два с половиной десятка лет испытал столько горя, сколько другим и за много жизней не испытать.

3

Обстановка на ферме Андрею очень понравилась. Здесь всё было взаправду. Сама атмосфера умиротворения и спокойствия вселяла надежду, что люди никогда до конца не переберутся в города. Есть в сельской жизни свои преимущества, и это не только здоровье, – хотя оно в первую очередь. Тут нет суеты, нет места нервным срывам, истерикам и инфарктам.

Но нет здесь места и сенсациям. Странно, – подумал он, – что организаторы шоу выбрали именно такой подход. Борь-

ба с природой и самим собой на тропических островах – это ещё куда ни шло, но ферма... Какие тут могут быть рейтинги? Только деньги на ветер выбросили.

Он оставил Киру в инкубаторе, а сам пошёл на лесопилку. Грубая работа его не прельщала, но, помнится несколько лет назад, у него прекрасно получалось вырезать по дереву.

Он миновал поле, по которому, вспахивая его, гонял Сашка на новеньком тракторе. Сделав лихой вираж, он помахал Андрею из кабины. Сабуров поднял в ответ руку.

Утренние события уже подёрнулись дымкой забвения. Хотелось остаться здесь. Надолго. С Кирой. О-ох.

В лесу, в удобном современном домишке он нашёл то, что искал: небольшой чурбачок и набор острейших резачков. Время для него перестало существовать. К моменту, когда стали собираться на ужин, поделка была завершена.

4

Перед ужином они с Кирой по очереди приняли душ, но прежде, чем выйти в коридор, он подозвал девушку.

– Что? – Спросила она, оплетая его шею гибкими руками.

– У меня есть сюрприз для тебя.

– Да-а?! – Заглянула в лицо.

Андрей показал руку, которую держал до этого за спиной. Кира увидела, что в его ладони что-то зажато.

– Ой, что это?!

– Не скажу.

– Бяка!!!

– Пока не поцелуешь.

Она стремительным движением прижалась к его губам и тут же ухватила за руку. Ладонь раскрылась, явив свету то, от чего Кира даже радостно подпрыгнула.

– Боже, какая прелесть!

На неё немигающими зелёными глазами смотрела маленькая, но гордая кошечка.

– Киска! – Она схватила поделку и прижала её к груди. Возвела очи на Андрея. – Солнышко моё, я тебя люблю. – И, не дав ничего ответить, обхватила одной рукой его шею и прильнула к губам, выражая свою признательность. Свободной рукой она по-прежнему прижимала деревянную кошечку к груди.

Минут пять, не меньше, девушка благодарила своего возлюбленного. Такого поцелуя Андрей не знал никогда, хотя многим своим пассиям дарил подарки. Когда же она слегка отстранилась от него, он, переводя дыхание, сказал:

– Там, в ушках есть дырочки, можно продеть верёвочку и носить на шее.

– Я так и сделаю!

За ужином Андрей лишь искоса поглядывал на свою «паству». Все его мысли вновь заняла девушка, сидевшая рядом. Гордя, как Кира назвала кошечку, уже покоилась в ложбинке меж чувственных холмиков груди, и взирала оттуда

на всё своими холодными глазами. Сабуров лишь отметил, что все находятся в добром расположении духа. Даже Герман чему-то загадочно улыбается. Одна Лиля сидела мрачнее тучи. Тёмные круги под глазами дополняли сходство. Да ещё Дмитрий с присущим ему бесстрастным выражением, застывшим на его лице. Утром он был другим, но на людях всегда принимал именно такой вид.

После ужина пошли купаться на озеро. Шум, гам, суета. Люди веселятся после рабочего дня. Кстати, ещё одна черта наших соотечественников: если выполненный объём работ принёс удовлетворение, то «отрываться» они будут по полной. С чувством выполненного долга, так сказать.

Из динамиков Кириного магнитофончика пел Шевчук:

Мы стояли над прошлым, мы ждали начала.
Облака, как к любимой, прижались к земле,
Где под одной, да не скошенной крышей
Ищем друг в друге тепло.
Что... Что...
Что нам ветер,
Да на это ответит?
Несущийся мимо,
Да сломавший крыло.
И, упав между нами,
Так недолго любимых,
Разбил он объятья,
Как простое стекло...

– Повеселее что-нибудь есть? – Спросил Андрей.

– А мне нравится «ДДТ». – Улыбнулась Кира. – Ещё есть: «Pink Floyd», Бетховен, Моцарт, «Наутилус» и Высоцкий.

Андрей был удивлён: по крайней мере, музыкальные вкусы совпадали.

– И, конечно же – «Queen».

– О, да! – Это моя любимая группа!

– Давай её!

От его внимания не укрылось, что одной рукой она всё время прикасается к его подарку, будто это талисман, придающий ей силы.

Кира поменяла кассету, и из динамиков полился чарующий голос Фредди Меркури:

Empty spaces – what are we living for
Abandoned places – I guess we know the score
On and on, does anybody know what we are looking for...
Another hero, another mindless crime
Behind the curtain, in the pantomime
Hold the line, does anybody want to take it anymore²

² Пустые места – для чего мы живем, Оставленные места – думаю, мы знаем причину, Вновь и вновь (мы задаемся вопросом), знает ли кто-нибудь, что мы ищем... Очередной герой, очередное бессмысленное преступление За занавесом в пантомиме. Не теряй связь (со зрителем), хочет ли кто-нибудь ее поддержать. (Перевод взят из книги "Queen Песни", 1996 года.)

В номере было прохладно. Сабуров подозревал, что здание снабжено системой кондиционирования воздуха. О них заботились. Как о любимых зверьках.

Кира сидела напротив: волосы мокрые после душа, глаза внимательные, настороженные.

– О чём думаешь? – спросила она.

– Не о чём, а о ком. О тебе.

– Спасибо, а на самом деле?

– На самом деле – о тебе. Понимаешь, Заяц, ты разбудила во мне такие чувства, о существовании которых внутри себя я и не подозревал. Там, в глубине – сердца, души ли – не знаю, бушуют такие эмоции, о каких вряд ли писали даже поэты. Мне хочется носить тебя на руках, целовать тебя, раствориться в тебе...

– Так в чём же дело? – Тон вкрадчивый, она польщена. – Целуй на здоровье. Я тоже учусь любить вместе с тобой.

– Почему бы нам тогда не сдвинуть кровати?

Окаменела. Дневные подозрения вновь разыграли карт-бланш в душе Андрея. Уставилась в пол. Он понял, что начинает тихо «съезжать с катушек».

– В чём дело?

– Я пока... не готова к этому.

– Не достаточно ещё любишь меня?

– Нет, что ты, не в этом дело, просто... нет, не могу. Я обязательно всё тебе объясню потом, и ты поймёшь меня... Надеюсь.

– Ничего серьёзного?

– Нет.

– Точно?

– Правда!

Андрея буквально разрывало изнутри. Ощущение было такое, что его распластали на пыточном столе и теперь растягивают. Только не тело, а душу. Пришлось даже отвернуться, чтобы не выдать своих истинных эмоций.

– Извини, – сказал он, – может, я бегу впереди паровоза. – Голос едва не сорвался.

Она подошла и обняла его сзади.

– Нет-нет. Я тоже этого очень хочу. Но есть нюансы. – Андрей улыбнулся, вспомнив пошлый анекдот. Слегка отлегло. – Я даже думаю, что можно сдвинуть кровати, – продолжала она, – должна же я привыкать к тебе, к твоей близости, к запаху твоего тела...

– Но тогда я буду приставать к тебе. – Прошептал он.

– А ты сдерживай себя.

– А если я не смогу?

– А если я попрошу тебя об этом очень-очень сильно?

– Тогда сдержусь, но это же будет настоящей пыткой!

– Но ты же сильный.

– Да.

Он повернулся к ней лицом. Зарылся в волосы, нежно прижал, чувствуя прикосновения её плоти к своей сквозь ткань одежды, и её влажные губы, целующие его шею.

– Я не представляю, как жил без тебя.

– А я – без тебя.

– Потанцуем?

– Пожалуй.

Темнота обнимала европейский континент, точно страстная любовница. Она не стыдилась своей наготы, несмотря на то, что каждый раз слетала непорочной. Глазами звёзд она признавалась земле в любви, вечной, как и сама темнота, которой не нужна вообще никакая скорость, чтобы передвигаться, и не нужно ничего, чтобы быть. Лобзания её, особенно сейчас – летом, были тёплыми, проникающими ко всему живому и наполняющими его своей чувственностью, смешанной с целомудрием.

Андрей лежал на траве возле здания, отдавая своё проповедующее тело во власть этой ночи. Он так и не смог заснуть, – это было невыносимо. Лежать рядом со своей желанной, и не мочь прикоснуться к ней – не просто мучение, а изощрённая пытка. Только он смеживал веки, как в его воображении разыгрывались картины настолько жаркой страсти, что от самого себя становилось не по себе. Всё его естество изнывало. Пальцы просились прикоснуться к бархатистой коже девушки, лежащей рядом. Губы мечтали слиться с её губами, а потом обследовать её всю. Но вот она лежит рядом

неприступной скалой, и он не может приласкать её. Потому, что обещал.

Наконец он не выдержал и встал. Просторные трусы просительно топорщились. Пришлось выйти на балкончик, но даже ночная прохлада не в силах была охладить его пыл. Тогда он перемахнул через перила и принялся отжиматься в бешеном ритме, умиряя плоть. И вот теперь отдыхал, лёжа на спине, и вопрошал звёзды, когда же окончатся его страдания.

Звёзды оставались немые. Либо он просто не смог понять их ответа.

Спустя ещё минуту оказалось, что минувший день не собирался заканчиваться без встрясок.

Во второй раз раздался крик.

6

Крик был чуть менее диким, чем утром, но без сомнений принадлежал тому же человеку. Из положения лёжа Андрей прыгнул на ноги. Сердце его оборвалось. Он перемахнул перила в обратном направлении, и снова оказался на балкончике. Но не успел он добежать до соседнего с ними номера, как стеклянная дверь распахнулась, и из неё, словно ошпаренная, выскочила Лиля. (Даже в темноте её было не сложно узнать по причёске, которая в этот момент, вообще стояла дыбом.)

Сперва женщина ринулась в сторону Сабурова, но, заметив его, испустила короткий вопль ужаса, развернулась на сто восемьдесят градусов и кинулась прочь. Он едва смог догнать её уже у самого поворота, несмотря на то, что был неплохо тренирован. Когда же он сгрёб её за плечи и прижал к себе, она взвыла, словно зверь, пойманный в ловушку.

– Тихо, тихо. Это я – Андрей.

Она не реагировала.

В номерах на этой стороне началось движение.

– Оставьте меня. – Провыла Лиля.

Андрею ничего не оставалось делать, как хорошенько встряхнуть её и крикнуть:

– Ну, хватит уже!

Поддействовало. Она воззрилась на него таким взглядом, как будто только что поняла, кто находится перед ней. Почти изо всех дверей высунулись головы и смотрели на двоих, стоявших на балконе. Даже в темноте Сабуров мог понять, какой вопрос застыл во всех этих глазах:

«ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?!»

7

В маленький двухместный номер набилось не менее двадцати человек. На одной из сдвинутых кроватей сидела Лиля, завернутая в одеяло. Несмотря на тёплую погоду, её бил озноб, и до того крупный, что койка под ней ходила ходу-

ном. Напротив неё сидела Кира в напряжённой позе. Тело её – Киры – напоминало сжатую пружину, словно она готова была тотчас вскочить и погнаться за обидчиком женщины, скорчившейся на их с Андреем кровати.

Сабуров даже залюбовался этой статической, но грациозной агрессивностью, сквозившей в его девушке. Такой она нравилась ему больше.

Лиля тем временем приняла кружку с водкой из рук Дмитрия, отпила глоток и сказала:

– Простите. Простите меня. От меня ведь одни только неприятности. Я не...

Люд в номере загудел, в том смысле, что всё нормально, хотя и ничего нормального в том, что с ней – Лилей – происходит, нет.

– Расскажи, что случилось. – Попросил Дмитрий, и все закивали в знак согласия.

Она опустила голову, вздохнула и начала...

Для того чтобы понять весь ужас произошедшего, нужно рассказать и о предыдущей ночи, кардинально отличавшейся от нынешней.

Вчера у них с Гариком всё зашло очень далеко. Настолько далеко, что уже к утру он предложил жениться на ней. Конечно, она была очень удивлена таким скоропалительным решением. Тем более что он был на несколько лет моложе неё. Но также она осознавала, что другого шанса выскочить замуж ей может уже и не представиться, ведь она потенци-

альный член общества: «кому за тридцать». Она согласилась.

Спустя пару часов произошёл несчастный случай.

Почти весь день после этого она проплакала. Только после смерти Гарика Лиля поняла, что за недолгое время их знакомства успела влюбиться в него. Было в нём что-то такое, что привлекало её, будило в ней женщину.

И вот, когда она забылась свинцовым сном, откуда-то издалека стал приходить голос. Его голос. (Лиля не заметила, как при этих словах вздрогнул Андрей.) Она подумала, что от переутомления и нервного стресса, вызванного нелепой смертью парня, ей уже начал мерещиться его голос.

– Иди. Иди ко мне. – Говорил он.

Потом она очнулась и поняла, что всё это ей не снится и не мерещится, а голос звучит извне. Испугалась.

Голос продолжал:

– Иди ко мне, любимая моя.

– Нет, нет. – Заохала Лиля. – Уйди, не тревожь меня! – Коленки у неё тряслись, и очень хотелось опорожниться прямо в постель.

– Ты уже не любишь меня? – Спросил голос, насмехаясь над ней.

– Я любила тебя. Да, я очень любила тебя, но, когда ты был живой.

– Хм, – сказал призрак, – ты обещала выйти за меня замуж.

– Я не могу выйти замуж за мертвеца! – Ей казалось, что

она почти кричит, на деле же из её уст доносился слабый, еле слышимый шёпот. – Ты призрак!

– Ну и что? – Я по-прежнему могу доставить тебе неземное удовольствие.

– Уйди! – Взвизгнула она. – Сгинь!

– Не хочешь, чтобы тебя трахнул призрак? Не хочешь секса с мертвецом?!

– Нет.

– Зря. Может быть, передумашь? Потому что я всё равно уже иду к тебе.

Послышались шаги. Внутри женщины всё клокотало. Крик рванулся вверх и раскрыл её рот. Не соображая, что делает, она метнулась к двери. Заперта. Развернувшись, выскочила на балкончик. Побежала по нему прочь, но тут увидела тёмную фигуру. Естественно она подумала, что это – Гарик. В голове её помутилось.

8

– Вот, собственно, и вся история. – Закончила она.

Воцарилось молчание. Никто не проронил ни слова, будто боясь нарушить хрупкую пелену напряжённо звенящей тишины. Или так сложно продраться сквозь неё?

Андрей откашлялся.

– Пойду, посмотрю, что там.

В глазах собравшихся смешались страх и благоговение.

Сабуров вошёл в соседний номер, не зная даже, что он ищет. Внутри было темно. Он щёлкнул кнопкой выключателя. Налёт таинственности спал, отступил вместе с мраком в дальние углы. Всё враз стало серым и обыденным: обычный набор мебели, и лёгкий беспорядок в личных вещах.

И всё. И ни грана мистики.

Несмотря на опыт своего «общения» с голосом, Андрей мало верил историям в призраков, пришельцев и тому подобной ерунде. Сейчас же ему думалось, что всё должно объясняться проще. Во время якобы происходившей беседы Лили и призрака, он – Андрей – находился на улице и ровным счётом ничего не слышал.

Он обошёл номер по кругу – ничего. Но тут его внимание привлёк предмет, лежащий на тумбочке – упаковка из-под таблеток. Пустая. Во время своего пребывания в психиатрической больнице он хорошо познакомился с этим препаратом. Сильнодействующее снотворное, имеющее побочный галлюцинаторный эффект. Если она проглотила все десять штук разом, то удивляться просто нечему.

Он прихватил пустую упаковку, сунул её в карман, ещё раз обошёл номер, но ничего интересного больше не обнаружил. С тем и вернулся обратно.

Все ждали его с нетерпением, но жались к двери номера. Даже на балкончик никто не вышел.

– Чисто. – Сообщил он.

– Я ни за что не вернусь туда! – Проговорила Лилия. – Уж

лучше в трясину, вслед за ним, чем туда.

Кира взглянула на Андрея, задавая немой вопрос. Он ответил кивком головы, и она сказала, обращаясь к Лиле:

– Ты можешь остаться у нас.

Та окинула Киру недоверчивым взглядом и, молча, кивнула. Знак не только согласия, но и благодарности.

Народ стал понемногу расходиться.

9

Всё та же сумрачная комната без окон. Те же мониторы на стенах, но теперь уже два человека пристально всматриваются в передаваемые картинки.

– Мы добились требуемого?

– Мы добились лишь того, что шоу едва сворачивать не пришлось.

– «Первый», ты преувеличиваешь.

– Немного, но если честно, «Принц», то выглядело всё действительно жутковато.

– Пока люди сыты чужими страхами, они не вспоминают про свои.

– А у них пока что своих и нет.

– Будут. Кстати, сегодняшний день бедноват на сенсации.

– Пусть завтрашний будет ещё спокойнее.

– Почему? – На завтра запланировано...

– Это неважно. Пускай пообвыкнутся, распустят нити

пристрастий, чтобы нам было легче ухватить их и понадежней привязать.

– Но постращать всё же хочется.

– Перед нами стоит совсем другая цель, – не забывай об этом.

– Понял. Что делать с Сабуровым и его избранницей?

– Завтра проведём ещё один ход. Если не поможет, то оставим их в паре, это может оказаться даже интересней, чем я предполагал.

– Это не входило в первоначальный план.

– Слушай, я мало общаюсь с ними, держусь особняком, но я же не слепой. Я видел, как эти двое смотрят друг на друга. Всё может получиться гораздо круче, чем простая подстава.

– Последний критик – зритель.

– Ему понравится.

10

В эту ночь Андрей так и не сомкнул глаз. Сон не шёл. В голове с завидной даже для фотонов скоростью мелькали мысли, их обломки, картинки из жизни, реальной, или мнимой. Ничего складного на ум не приходило. Сплошные метания белки в колесе.

Он повернулся, и тут же его обьял аромат Кириных волос. Андрей подумал, что, возможно, духи тут ни при чём: чистые (и не только в физическом плане) создания должны ис-

точать подобные благоухания. Зарывшись лицом в её волосы, он почувствовал, что девушка пошевелилась. Она просунула руку под одеялом, нашла его ладонь и, подтянув, положила себе на плечо. Он придвинулся и заключил её в самые нежные объятия, на которые только был способен. Первый раз он проводил ночь с девушкой в постели и не занимался с ней сексом. Сначала это немного нозило его, но, смирившись, он понял, что такая ночь выпадает всего раз в жизни, а то и реже. Надо наслаждаться. Тем паче, что в душе его зрело нечто гораздо большее, чем простая тяга. Он уже твёрдо знал, что сделает ВСЁ, что в его силах, для того человечка, который мирно дремлет в его объятиях.

Уподобившись слепому и не менее немому року, подступало утро.

Глава пятая. Разные люди

1

Наутро Сабуров встал не выспавшимся, но не разбитым. Кружка горячего крепкого кофе привела его в чувство, а мысли – в порядок. Он твёрдо решил поговорить сегодня с Кирой начистоту. Внутренние сомнения отступили. Остался небольшой осадок, но он ничего не значил.

Лучше умереть от любви, а не от её отсутствия, – думал он, направляя свои стопы к Владу. Необходимо было посоветоваться с врачом по поводу ночных событий.

Влад встретил его хмурой улыбкой.

– Что, опять не слава Богу?

– Да, тут ночью...

– Знаю, знаю, мне уже сообщили. Твои предположения?

– В её номере я нашёл вот это. – Андрей достал упаковку из-под таблеток. – Это ты ей дал столько?

Влад внимательно осмотрел улику.

– Это не наше. – Вынес он вердикт. – Кроме того, вчера утром ей дали только две таблетки.

– Значит, привезла с собой.

– Исключено. Личные вещи просматривались.

Андрея будто молнией поразило.

– В первый день, когда мы отправились гулять.

– Да, Андрей. Я не собираюсь перед тобой вилять, и не скажу, что это была приятная процедура. Но что прикажешь делать? Ты и не представляешь, на какие вещи мы напоролись в ходе досмотра.

– Согласен, но почему не сообщили участникам?

– Они бы всё попрятали.

– Как «травку»?

– Хотя бы. Её понесли с собой. Однако мы не изъяли бы её в ходе проверки, – невелико преступление.

– Хорошо, а как с лекарством?

– Насколько мне известно, у двоих из участников оно имеется, но вполне легально – по рецепту.

– Шикарно живут.

– Ничего не поделаешь.

– Кто это?

– Пока не могу тебе этого сказать. Может быть, сам что-то нащупаешь.

– Не доверяешь? – Спросил Андрей, глядя врачу прямо в глаза.

– Потом поймёшь. Возможно, даже очень скоро. Ясно?

– Ясно, что ничего не ясно... Ну, да ладно. По поводу вчерашнего...

– Что? – Влад, будто вспомнив о чём-то, полез в ящик стола.

– Я намереваюсь очень серьёзно поговорить сегодня с Ки-

рой.

– Скажи, Андрей, то, что ты чувствуешь к этой девушке, это истинная любовь? Как ты думаешь?

– Думаю, – да.

– Возможно, это только симпатия, страсть, желание найти родственную душу в непривычной обстановке.

– Нет.

– Меня поражает твоя уверенность.

– Меня самого поражает.

– Я облегчу твою задачу. – Сказал Влад, вперяясь в вынутый из стола лист бумаги.

– В плане?

– Пришли анализы, так что, когда пойдёшь, позови Киру Александровну. Сам поговорю с ней.

– А что там? – Андрей кивнул на лист.

– Не всё так плохо, – отозвался врач, словно нехотя, – но вздыхать с облегчением тоже рано.

– Влад, когда ты прекратишь говорить загадками? – Андрей увидел пронизывающий душу взгляд.

Влад поманил его, склонился к самому уху, будто их могли подслушать, и прошептал:

– Когда сам разберусь, что здесь творится.

– А ты разве не...

– Не, – скопировав его тон, прошептал врач, – я – наёмный работник, и о втором пласте проекта – а в том, что он существует, сомневаться не приходится – я не знаю.

– Спасибо, что доверяешь.

– Пока – нет. – Сказал Влад, отворачиваясь и давая понять, что беседа завершена.

2

Спустя минуты три в кабинет врача вошла Кира.

– Добрый день, Кира Александровна, присаживайтесь.

Девушка уселась в мягкое кресло, гадая, зачем она тут понадобилась. Не зная с чего начать, она, молча, смотрела на Влада, пока тот с сосредоточенным видом перекладывал бумаги с места на место.

– Вы по женской части последний раз давно обследовались?

– Полгода назад.

– И?

– Всё в порядке.

– А иммунитет?

– Полностью здорова. Разве что герпес выскакивал.

– Отнеситесь, пожалуйста, серьёзно к тому, что я Вам сейчас скажу.

– А что такое? – Девушка почувствовала, как изнутри её пробрал холодок.

– Передо мной лежат два результата анализов на ВИЧ. Оба Ваши. Один – положительный, другой – отрицательный. – Он сделал многозначительную паузу.

– Бред какой-то. – Фыркнула Кира.

– Вот и я так думаю. Кто-то сознательно подделал один из документов. Но поскольку я отвечаю за безопасность участников проекта, я должен попросить Вас некоторое время не вступать...

– Да это же немыслимо!!!

– Хорошо, – смягчился вдруг врач, словно и не заметив того, что его перебили, – скажите, не могли Вы приобрести его половым путём? Понимаете, о чём я?

– Прекрасно понимаю. Нет, не могла.

– Точно?

– Абсолютно.

– А через иглу?

– Нет. Я не наркоманка! А когда брали кровь, я всегда смотрела, чтобы иглы были новые.

– Хорошо, хорошо, я Вам верю. – Сказал Влад. – Я обязательно всё перепроверю. Попрошу сдать кровь сейчас, и – Вы свободны, хотя...

– Что ещё?

– Это насчёт Сабурова Андрея.

– С ним-то что?

– Как я уже говорил, я отвечаю за безопасность участников. Вы уверены в нём?

– Не поняла.

– В том, что он не причинит Вам боль, не использует?

– Я уверена в нём, почти как в самой себе.

– Почти? А Вы знаете, что он проходил курс принудительного лечения в психиатрической клинике?

– Конечно. Он мне ещё вчера рассказал. А разве Вы не знаете? – Она ехидно подмигнула.

– Нет, я не знал. И не думайте, что я желаю Вам зла. Нет, просто у меня работа такая. Вы свободны. И позовите Германа Рутштейна из... – он перевернул бумаги, нашёл нужную, – из седьмого номера.

– Хорошо, спасибо.

3

Девушка вышла из кабинета в растревоженных чувствах. Но разобраться в себе и в сложившейся ситуации ей не дали. Стоило закрыть за собой дверь, как она лицом к лицу столкнулась с давешней брюнеткой, пытавшейся (но не особо преуспевшей в этом, как хотелось верить Кире) совратить Андрея.

– Привет. – Сказала та запросто.

– Здравствуйте, чем могу помочь? – Спросила Кира. Она почувствовала подступающий спазм, поэтому вздохнула полной грудью и распрямилась.

– Чё, лом проглотила что ли? – Тон задорный, однако, глаза – злые, колючие. – Расслабься! Это я тебе помочь хочу.

– Чем же?

– Брось ты своего дурика! Как осень наступит, он снова в

психушку двинет. У них же обострения и всё такое.

– Слушай, хватит чепуху болтать. – Кира уже была готова вмазать по этой нахальной, даром, что красивой, рожице.

– Как знаешь, как знаешь. – Маша сделала вид, что надулась. Но через секунду обернулась и задорно подмигнула. – А как тебе то, что он ни одной юбки не пропустит?

– А тебя-то, кажется, пропустил. Ты мне просто завидуешь, вот и говоришь про него всякие гадости. Скажи честно: завидуешь ведь?

– Честно? – У Киры сложилось впечатление, что собеседница её задумалась, причём, крепко.

– Да, честно. – Подтвердила Кира.

– Если честно, то – ни капельки. – Как ни в чём не бывало, продолжала Маша. – Дело в том, что он и так – мой. Я тебе его на время одолжила, так сказать.

– Лжёшь, сука!!!

– Я тебе даже больше скажу: мы с ним оба работаем на проект, и осенью поженимся, хоть он и блядует напропалую. Просто хотела предупредить, чтобы ты не особо втюривалась в него. Он – мой.

– Не верю.

– Сейчас не веришь, что ж, поверишь – потом.

Кира замахнулась. Глаза Маши Светловой говорили: «давай – давай», а губы:

– Кстати, член у него – о-го-го!

Кира ударила. Раздался отчётливый звонкий хлопок опле-

ухи. Маша прижала к щеке с отпечатавшейся пятернёй ладонь, но плакать не собиралась. Наоборот, лицо её исказила гримаса гиеновой улыбки. Кира сжала левую руку в кулак. Девушке хотелось разбить эту ухмылку вдребезги, чего бы ей это ни стоило, даже участия в шоу. Правда, в тот момент она об этом не думала. Хотелось просто вмазать от души, как на занятиях по самообороне. Но тут Кирины руки кто-то поймал сзади. Будто стальные зажимы держали её, а вот боли не было.

Кира обернулась. Сзади стоял Дмитрий – вечно печальный парень с их стола и живущий по соседству. Он задумчивым взглядом провожал убегающую по коридору Машу.

– Пусти меня! – Девушка дёрнулась.

Он повиновался, и только сейчас посмотрел на неё.

– Зачем? – Чуть ли не прошипела Кира. Агрессия до сих пор не покинула её.

– Она только и добивалась того, чтобы ты её ударила. Понимаешь?

– Понимаю. – Глаза долу, но ни нотки раскаяния в голосе.

– Нет, не понимаешь. – Вскинулась, а поэт лишь печально взирал на неё.

– Ты что-то знаешь?

– Вижу. Кто-то задался целью разлучить вас с Андреем, и если вы будете идти у них на поводу, то они обязательно добьются своего.

– Теперь поняла. – Пауза. – Извини за резкость.

– Ничего, я привык. – И пошёл прочь, оставив Киру наедине с самой собой.

Проходя мимо седьмого номера, Кира вспомнила про просьбу Влада. Постучала.

– Заходите, открыто.

Открыла дверь. Номер внешне неотличим от того, что занимали они с Андреем. С той лишь разницей, что тут всё было пропитано тоской безысходности и одиночества. На стуле сидел Герман, обхватив голову руками. На столе стояла шахматная доска с несколькими фигурами.

«Шах белому королю» – вспомнила девушка.

– Герман.

– Да?

– Тебя Влад вызывает.

– Не сказал, зачем?

– Нет. Но, может быть, это как-то связано...

– Ты так думаешь?! – Парень заметно оживился. – Правда?!

Кира пожала плечами.

– Ну, я пошла.

– Спасибо, что зашла, я уже бегу, потому что...

Окончание фразы отсекла захлопнувшаяся дверь.

Третий посетитель за утро, – подумал Влад, когда в каби-

нет вошёл Герман, – вот это начало настоящей работы. То ли ещё будет!

– Здравствуйте, присаживайтесь. – Он указал Герману на кресло.

– Здравствуйте, Вы позвали меня потому, что я думаю... В смысле, может быть, что-нибудь выяснилось о том, что я хотел... что со мной случилось... Господи! Вы знаете, где она?! Где Анжела, потому что я...

– Остановитесь. – Резко сказал врач, а про себя подумал: – ну и остопоп.

– Я понял. Пожалуйста, простите меня, ведь я только хотел... – Он затих от одного лишь взгляда, брошенного хозяином кабинета.

– Вы хотите найти Анжелу Родионовну?

– Я?! Да, да, конечно! Я очень...

– Достаточно. Могу Вам сказать, что девяносто против десяти – она в городе. Разрешаю Вам съездить, навести справки.

– Но ведь... город, он же такой большой, а я... я не знаю, откуда...

– Стоп! – Владу это уже порядком поднадоело. – Я Вам скажу, в каком районе её видели. Вы поедите туда, и начнёте поиски. Денег я Вам дам. Сам поехать не смогу – дел по горло.

– Ясно, спасибо. Спасибо Вам огромное. Если б Вы только знали, как я Вам призна...

Очередной замысловатый словесный порыв завис в воздухе в связи с явлением конверта с купюрами.

– Возьмите. Так, теперь запишу инструкции, чтобы Вы не забыли.

– Я... – Открыл было рот Герман.

– Всё. – Почти грубо сказал Влад и указал на дверь. – Вы свободны.

Герман вышел, но ещё немного потоптался, не зная, как закрыть дверь: в одной руке он сжимал конверт, во второй – инструкции, причём, и то и другое он прижал к груди, боясь неизвестно чего. Что они исчезнут что ли?

– Идите, сам закрою.

Герман повиновался.

Вернулся он лишь поздно вечером. С фингалом под глазом, оборванный, со свисающей, словно плеть, рукой, и, конечно, один. Не заходя к себе в номер, он поплёлся к Андрею.

5

В ночь на третий день игры бодрствовал не только Сабуров. За стеной, во втором номере размеренно вышагивал Дмитрий. Иногда он выходил на балкончик, но всё было тщетно: вдохновение не приходило. Небольшой блокнотик в судорожно сжатой руке оставался девственно чистым.

Неужели и здесь, – думал он, – где для этого есть все усло-

вия, я ничего не напишу?

У него были определённые сложности. Сперва из него пёрла сплошная бредятина. Стал взрослее – начали приходить неплохие стихи, но уже в гораздо меньшем количестве. Теперь же, когда его стихи уже почитались ценителями, ему всё чаще и чаще казалось, что Муза отвернулась от него, а источник вдохновения иссяк безвозвратно. И вот он, уподобляясь маятнику древних часов, мерил секунды, минуты и часы шагами по своему номеру, который занимал в одиночку.

Взад – вперёд.

Взад – вперёд...

Рассвело. Солнце поднялось высоко над деревьями, бросая на усталое лицо поэта дразнящие блики. Недвижимое озеро вглядывалось в глубину небесной синевы, и казалось самому себе таким же далёким и высоким.

В дверь робко поскреблись.

– Кто там? – Недовольно, но с облегчением.

– Разрешите. – Голос едва слышный для того, чтобы определить, что это – женщина.

– Заходите.

Несколько угловатая фигурка с опущенными плечами проникла в номер. Дмитрий решил, что на самом деле девушка может двигаться весьма грациозно, но внутренняя закрепощённость мешает ей «расправить крылья». Волосы собраны в пучок. Типичная училка, – подумал он, – но симпа-

тичная, спору нет.

– Здравствуйте, меня Лизой зовут. – Протянула руку для пожатия.

– Дамиан. – Он слегка прикоснулся к её пальцам, почувствовал их зябкую прохладу, и тут же убрал руку.

Она не знала, с чего начать, а он продолжал рассматривать её. Девушка на деле была очень красива, но не современной броской пошлостью, а скрытой античной гармонией. Поэт видел множество греческих статуй, и мог бы с уверенностью сказать, что она в чём-то похожа на богиню. Ту самую – покровительницу девственников.

– Мне тут Андрей Сабуров сказал, что Вы стихи пишете... Не знаю, как и просить-то Вас... Может, прочтёте что-нибудь? Очень люблю стихи.

Дмитрий склонил голову. Как всякому поэту, ему нравилось показывать некоторые свои творения людям, но также, как и все настоящие поэты, он с трудом преодолевал внутреннюю боязнь, что какое-нибудь его детище может не понравиться слушателю. Поэтому он почти никогда не читал стихов первому встречному, а только тем, на ком его поэзия уже была опробована. Была в этом та же характерная черта, что и у девушек, не желающих отдаваться незнакомцам.

– Последнее время я почти не пишу. И потом, не думаю, что Вам, Лиза, понравится мой стиль.

Девушка замялась. Растерянной она выглядела ещё красивей. Но ей не хватало обаяния.

– Понравится, я обещаю. – Пролепетала она.

Дмитрий едва сдержал улыбку: ну, как можно заранее обещать, что тебе понравится что-то, когда ты об этом понятия не имеешь.

– Хорошо. – Согласился поэт. – Вот кое-что из старенького. – Он слегка призадумался, вылавливая из памяти строки.

Свеча сгорела, стлела сигарета;
В моей юдоли не стало пятен света.
И больше нечего делить,
И больше некого винить;
Я, зная это,
обрываю нить.

Звезда упала, – стало неба мало;
Я не могу всю жизнь под покрывалом.
Осталось слёзы растереть,
И посмотреть в упор на смерть;
Я знаю, – стало
незачем гореть.

Уход от боли, – доля твёрдой воли;
Я разбиваю зеркала своей юдоли.
И путь мой ляжет на рассвет,
О чём мечтал я столько лет;
Я знаю: боле

не померкнет свет.

Пауза восхищённого молчания.

– А Вы действительно – поэт.

– Пойдёмте на балкончик. Курить хочу.

На улице уже вовсю благоухало утро. Птицы слагали ему свои вечные гимны: однообразные, но каждый раз новые. Так человек говорит о любви. Иногда, правда, весьма редко, встречаются люди, которые чуть ли не каждый день находят для своего любимого новые нежные слова. Вот как эти утренние трели.

Лиза уставилась в небо; Дмитрий внимательно разглядывал огонёк на кончике своей сигареты.

– Вам грустно?

– С чего Вы взяли?

– У Вас такие печальные стихи...

– Всего лишь вздохи больной души.

Она решила переменить тему.

– А как Вы думаете, за нами наблюдают?

– Конечно, тут повсюду камеры.

– Да я не об этом. Я об инопланетянах. Как Вы думаете: существуют они, или нет? – Вот я в детстве мечтала, чтобы меня похитили... – запнулась.

– Не знаю, существуют инопланетяне, или нет, – Дмитрий глубоко затянулся, – но я наверняка знаю, что если они похожи на Вас, или на меня, то давно вымерли бы. Как мамонты.

Лиза даже не знала: улыбнуться ей, или же скорчить мину оскорблённой добродетели. Сквозь табачный дым она уловила лёгкий намёк на улыбку на губах поэта, и позволила себе усмехнуться в ответ.

– Вы – хороший человек.

– Не исключено. – Парировал Дмитрий.

– Но живёте где-то внутри самого себя, как моллюск в раковине.

– А Вы? – Ироническая ухмылка.

– Но всё-таки... – попыталась возразить девушка. Молодому человеку их диалог напомнил один похабный анекдот, и он не смог удержаться от смеха. – Что? Что такое?

– Ничего, ничего, не обращайте внимания.

– Дмитрий, я вот что подумала: а не переехать ли мне к Вам?

– Не переехать.

– Почему?

– У меня бессонница. Буду мешать Вам наслаждаться дарами Морфея.

– Ну, как знаете.

– Не держите на меня зла. Я привык в одиночку сражаться с этим миром. Я не смогу вытащить ещё одного человека. Мы оба пойдём ко дну.

– Но...

– И я не думаю, что это будет выглядеть поэтично, скорее – дуло к виску, и ошмётки мозгов на стене.

– Вы ужасны.

– Тоже не исключено.

Лиза ушла, оставив поэта наедине с чистым блокнотом и смолистыми, тягучими мыслями. Однако не успел он сосредоточиться на одной неплохой рифме, как в дверь его постучали.

6

Сашка Фёдоров времени зря не терял. Он принадлежал к тому типу молодых людей, которые имеют неизменный успех у женщин, да и сами жалуют слабый пол. Его весёлая натура привлекала к нему очень и очень многих. Лёгкий нрав, безусловное обаяние, пленяющий внешний вид: статный, мускулистый, светловолосый... В добавок ко всему он был поваром по образованию, имел права на вождение трактора, и умел ещё очень многое.

– Мастер на все руки. – Говорили о нём, что, несомненно, являлось чистой правдой.

Не успел он приехать на реалити-шоу, как тут же «подцепил» Риту – натуру, схожую с ним внешне, но являющуюся полной противоположностью внутренне. Это не помешало им сойтись в первый же день.

Однако уже на следующий день Сашке запала весёленькая и миниатюрная Люба. К концу второго дня тракторист буквально разрывался между двумя девушками. Спать вообще

хотелось с обеими сразу. Но Люба уже сошлась с «ботаником» Гришей. И чего только в этом головастике нашла? Саша видел, что она к нему тоже равнодушна. Не видел он другого – Рита не слепая.

Вечером второго дня она спросила:

– Саша, ты меня любишь?

– Да. – Последовал ответ.

– А женился бы на мне?

– Считаю вопрос преждевременным, да и вообще я ещё слишком молод. Мне бы погулять...

– В смысле – поблядовать?

– Ну, зачем ты всё усложняешь?

– Не я, а ты. Я же вижу, как ты на эту мартышку в мини-юбке смотришь.

Саша задрал голову, уставившись в потолок, и произнёс следующий монолог:

– Ну вот, так всегда. Как только у меня появляется девушка, она тут же начинает подозревать меня в измене. Меня переполняет теплота, которую я должен раздавать и раздари-вать, а она принимает это за блядство. Она не понимает, что я живой человек, а не собственность, не вещь безропотная, которой можно распоряжаться по собственному разумению. В конце концов – это моя жизнь, и я никому не позволю влезать в неё глубже, нежели захочу я сам. – Театральным жестом он перевёл взгляд на Риту. – Если тебе что-то не нравится, я могу уйти. Мне будет тяжело, но любовь проходит,

а я остаюсь.

– Ладно, ладно, – спохватилась девушка, – я погорячилась. Всё нормально. Иди ко мне, милый.

Медленный, размеренный секс устранил все имеющиеся между ними разногласия. Спустя минут десять после того, как они закончили, Рита уже спала.

Саша полежал ещё немного, затем встал и отправился курить на балкончик, который для участников шоу стал по сути дела открытой курилкой. С недавних пор тут появились и пепельницы.

Он перегнулся через перила и стал всматриваться в огни ночного города, казавшиеся отсюда скопищем геометрически выложенных светячков. Кто-то нежно прикоснулся к его спине. Он обернулся, ожидая увидеть свою подружку. Но нет, – это была не Рита.

– Люба, – шёпотом, чтобы не дай Бог не услышала пассия, – что ты здесь делаешь?

– Охочусь.

– На кого?

– На мотыльков.

Он хмыкнул, а вслух сказал:

– Ну и как, поймала, хоть одного?

– Да. И довольно крупного. Вот он. – Она положила руку ему на обнажённую грудь. Ладонь горячая; Саше даже показалось, что она может обжечь. Он накрыл её руку своей.

– Я тоже не прочь порезвиться с огоньком, только не здесь,

а не то явится моя гусеница, и нам обоим придёт каюк. Мы с ней уже вечером зацепились.

– Не придёт. Но отсюда мы действительно двинем. Люблю природу.

– А твой-то что?

– Бревно бревном. А твоя?

– Кайф словила и храпит.

Оба рассмеялись, но тут же зажали рты руками. Сплетя пальцы, они отправились в сторонку от здания. Там – в траве – Люба доказала, что у неё гораздо больше общего с кошкой, чем с мартышкой. А Саша доказал, что он не бревно, а скорее машина для удовлетворения, способная довести до полного изнеможения не одну женщину. Через пару часов Люба даже не чувствовала траву, на которой лежала. Она витала где-то в краях вящего наслаждения. Саша, как ни в чём не бывало, сел и закурил.

– Ты классная.

– Ты тоже.

– Но Риту я не брошу.

– Как знаешь.

– И тебя не брошу.

– Наверное, я рада.

– Мне нужно разнообразие. – Саша выбросил окурок и улёгся прямо на траву, обняв Любу. Та отвечала ему тем же. Она покрыла его потное после любви тело поцелуями. Ночной ветерок ещё не успел остудить их.

– Я тоже люблю разнообразие. (Она сказала: «гажнообга-
жие», поскольку рот уже был занят.)

В блаженстве Саша откинулся на спину и принялся всматриваться в созвездия, которые никогда не знал по названию. Они отвечали ему тем же.

7

Две лесбияночки в ту же ночь лежали на кровати, сбросив одеяла на пол. Таня и Аня, обнявшись, смотрели друг другу в глаза.

– Я всегда буду с тобой. – Говорила Аня.

– И я всегда буду с тобой.

– Я никогда не променяю тебя на какого-нибудь кобеля.

– И я никогда не променяю тебя ни на какого кобеля.

– Мы будем вместе.

– Да, мы будем вместе. – Соглашалась с ней Таня.

– До самой старости.

– До самой старости.

– Я очень люблю тебя.

– И я очень люблю тебя.

– Поцелуй меня.

Они приникли друг к другу губами. Принялись поглаживать друг дружку.

– Ты знаешь, – сказала Таня, – никогда не думала, что мне будет так хорошо с девчонкой. И ещё, что настоящую любовь

я обрету не с парнем, а... а с тобой.

Жаркий ответ губ.

– Я сделаю для тебя, что угодно.

– И я.

– Нет, я всё же предполагала, что с этими сволочами-парнями у меня ничего не получится, – продолжала Таня, – а за тебя я готова умереть.

– И я. – Отозвалась Аня.

– Или вместо тебя.

– Да.

Девчушки не чувствовали на себе пристального взгляда камер, поэтому о соблюдении каких-либо приличий особо не заботились.

8

Примерно то же происходило и в других номерах. «Из тринадцати сложившихся в ходе шоу пар осталось лишь одиннадцать, в том числе и две нетрадиционные. Зато эти уже по прошествии двух дней клялись друг другу в вечной верности. Что это? – Комплекс неполноценности? невротическая привязка? Почему мы, едва узнав человека, не подозревая о множестве сторон его натуры, обещаем ему любовь до гроба, хотя зачастую понятия не имеем, что это такое? Обычная симпатия, физическая совместимость пытается выдать себя за нечто большее. Многие из нас уже после

второго свидания решают связать с человеком свою жизнь. Блаженны те, кто не принимает скоропалительных решений в отношении близости. А может быть, мы просто хотим любыми путями навязать себя другому?

Человек, которому мы дарим себя, обычно принимает нашу «жертву», и делает ответный жест. Всё это просто прекрасно.

На первый взгляд.

Но потом начинается жизнь. И жизнь эта открывает двум влюблённым (как они друг друга называют) подчас такие аспекты, которые приводят к пониманию того, что не любовь их связала, а попытка преодолеть одиночество путём удовлетворения физического влечения, или нечто подобное. Существуют различные причины. Но духовное одиночество остаётся. Если ты не находишь в партнёре своего продолжения, то лучшим вариантом будет: не мучить ни себя, ни его. Двое должны стать суть одно.

Вот интересно: если бы Ромео с Джульеттой запихнуть в современную малогабаритку на окраине Москвы и заставить их прожить на два МРОТ в месяц, то долго ли продержались бы их чувства?

Если ты говоришь человеку, что любишь его, – не значит ли это, что ты готов принять его таким, какой он есть? Делить с ним все тяготы и радости жизни, и, наконец, не предавать? Предать человека, которому ты клялся в любви, равносильно предательству матери, которая, не требуя ничего

взамен, подарила тебе эту жизнь...»

Тем временем буквы на экране компьютера продолжали и продолжали появляться.

9

– Входите. – Сказал Дмитрий, бросая блокнот на кровать, и понимая, что в это утро он уже ничего не напишет.

– Здравствуй. – В дверь вошла плотная девушка. За столом она сидела напротив поэта и два дня кряду безуспешно строила ему глазки.

– Привет, Лена.

Задорные чёртики запрыгали в её глазах.

– А ты, оказывается, знаешь, как меня зовут.

Дмитрий отличался неплохой памятью на лица, имена и номера телефонов, а вот с датами было не в пример сложнее.

– Я тут почти всех знаю.

– Но ни с кем не общаешься, за редким исключением.

– У меня затворническая натура.

– Приобретённое?

– В каком-то смысле.

Молодой человек невольно отметил, что насколько его предыдущая посетительница была красива, настолько эта была обаятельна. Таких девчонок в компаниях порой называют: «свой парень».

– Вам что, тоже стихи почитать? – Поинтересовался он.

– А ты стихи пишешь? – Я и не знала! Но нет, я просто так зашла. Подумала: а вдруг тебе одиноко?

– Человек рождается одиноким и умирает одиноким, всё остальное время он всячески обманывает себя, что это не так. Не помню, кто сказал.

– Упадническая философия. – Фыркнула девушка.

– Возможно. Во всяком случае, она помогает не разочаровываться в людях.

– Это, каким же образом?

– А я в них не очаровываюсь.

– Да Вы, батенька, пессимист.

– Грешен, грешен. Но не раскаиваюсь.

– Может, ты не любил ещё?

Дмитрий смотрел в окно на набирающий силу день. Не смотря на замкнутость своей натуры, он не любил лгать собеседникам, и на вопросы, поставленные ребром, отвечал прямо. Но при этом вопросе он почувствовал растерянность.

– А ты любила?

– По-настоящему? – Он кивнул. – Наверное, нет. Но у меня такое предчувствие, что вот-вот она придёт и захлестнёт меня с головой. Ты не ответил на мой вопрос. – Вцепилась в него глазами.

– А я любил. Самоотречённо. Мне казалось, что она тоже любит меня. Я отдал ей душу... – Пауза.

– И?

– И она унесла её с собой, поэтому я сейчас такой, какой

есть.

– Твоё сердце закрыто?

– Отнюдь. Но из меня с корнем вырвана та самая часть, которая должна любить. Я разучился... нет, скорее, просто не могу теперь вспомнить, что же это за чувство такое.

– А физическое наслаждение? – Или и от него ты отвык?

Он пожал плечами.

– Это не главное. Главное – честь, благодаря которой я никогда не солгу девушке, что дам ей больше, чем могу. Я не смогу дать любви, а заниматься механическим сексом с равнодушным человеком?.. По-моему, это – мерзко.

Лена приблизилась.

– Может быть, всё же существует что-то такое, что сможет растопить этот лёд в твоём сердце?

– Это – айсберг, и уже не один «Титаник» пошёл ко дну, так что: лучше не пробовать.

– Экий ты. – Лена карикатурно надула губки.

– Да, я такой. – Сказал Дмитрий. – На улице погода чудесная. Пойду-ка я подышу свежим воздухом перед завтраком.

– С тобой, конечно же, нельзя.

– Не желательно. Я гуляю со своей Музой, а она – девушка капризная, может и обидеться.

– Ну, тогда я пошла. До встречи за завтраком.

Дмитрий вышел в коридор, и тут же его глазам предстала безобразная сцена: Кира – девушка Андрея, – к которой поэт относился почти с братским теплом, кричала на чернявую

мерзавку. Потом отвесила пощёчину.

Провокация, – смекнул он и приблизился к девушкам. Ни одна, ни другая его не заметили. Он едва успел придержать Кирины руки, чтобы та не заварила форменную потасовку. Чернявая бестия тут же ретировалась. Кира сперва негодовала, но, поняв, что всё сделано ради её блага, извинилась перед Дмитрием.

На улице он стал скрупулёзно разбираться в происходящем. Но пока что его воображения не хватало на то, чтобы увидеть всю картину в общем. Однако он не сомневался, что знает гораздо больше других.

10

Кира, добираясь от седьмого до третьего номера, лелеяла одну-единственную мысль: броситься с порога в объятия Андрея, всё рассказать ему, и чтобы он утешал, утешал её. Но Андрея, как назло, в номере не оказалось.

Едва не плача, девушка вышла на балкончик. Дверь в четвёртый номер была открыта, и оттуда доносились голоса, один из которых явно принадлежал её возлюбленному. Она подошла.

Внутри Андрей стоял над обессиленной женщиной, выглядевшей сейчас лет на десять-пятнадцать старше, чем ей было на самом деле.

– Так зачем ты приняла столько таблеток? – Спрашивал

молодой человек.

– Да я только утром две, – отвечала Лиля, – что мне этот кавказец по указанию доктора дал.

– А как же пустая упаковка, которую я нашёл на твоей тумбочке?

– Понятия не имею.

– Ну, скажи хотя бы, у кого взяла, тогда мы сможем понять, кто играет не по правилам.

– Да не знаю я ничего! Андрюш, не мучь меня, пожалуйста. – Лиля молитвенно сложила ладони.

Сабуров возвёл взгляд к потолку, и тут боковым зрением увидел Киру.

– Привет, Лапушка.

– Ты всё? – От Андрея не укрылось, что голос его девушки слегка дрожал.

– Да. Лиля не хочет нам помочь.

– Андрей. – Протянула та с видом полного отчаяния: дескать, она и рада бы, да не в её это силах.

– Что-то случилось? – Сабуров уже полностью переключился на Киру.

– Да так... кое-что.

– Пойдём, расскажешь. – Они вышли, оставив женщину одну.

До самого завтрака Андрей утешал Киру. Её голова покоилась у него на коленях, а ноги девушка завела за его спину, свернувшись вокруг родного человечка калачиком, как кош-

ка. Так она чувствовала себя в безопасности. То, что произошло всего несколько минут назад и вывело её из себя, казалось теперь далёким и нереальным, случившимся не с ней, а с кем-то другим. Все слова Маши не стоили и банановой кожуры, роль которой они должны были сыграть.

Девушка безмерно доверяла своему парню, и это согревало её изнутри. О, сколько бы она отдала, чтобы эти мгновения единения длились вечно!

Он гладил её рукой по волосам, а когда у неё иссякли слова, то принялся целовать в лоб, в нос, в губы... и говорить самые приятные нежности на свете.

За завтраком Сабуров ещё раз оглядел всех участников шоу и вспомнил их имена. Хуже всего он знал сидящих за четвёртым столом, хотя публика там собралась весьма интересная. Во-первых, – Гена Васильев с глазами маньяка и неоконченным высшим образованием. Всем говорит, что станет писателем, но не написал ещё ни единой строчки. Проектер, одним словом. Сразу бросалось в глаза, что он размешивал сахар черенком ложки. Следом – Лика: волосы цвета воронова крыла до пояса, чёрные глаза, длинные пальцы рук, выглядывающие из широких рукавов тёмного балахона, плотоядная улыбка, – всё это делало её похожей на колдунью, или гадалку. В купе с ногтями неимоверной длины выглядела она специфически. Третьим – лицом к Андрею – сидел невысокий, щуплый, обритый наголо Костя. Наколки почти на всех частях тела довершали внешность бывшего за-

ключённого. Но окончательным штрихом являлся его говорок. Если Костя открывал рот, то оттуда неслась практически одна «феня», и собеседнику зачастую приходилось переспрашивать, что же он – Костя – всё-таки хочет сказать. Тот пытался изъясниться по-человечески, но бросал фразу на половине. Вместе с тем он очень гордился, что входит в касту «блатных», что подчёркивалось им постоянно. Рядом с ним – с торца – сидела небесной красоты девушка с восточной внешностью по имени Весна. Никто так и не смог понять: что же она нашла в «блатном» Костике. Мало того, что она была выше его минимум на голову, так ещё и умней в несколько раз. Правда, она предпочитала молчать. Далее: Ксюша – высокая, дородная женщина с лицемерной улыбкой, приклеившейся к её лицу, и крашеными волосами. Рядом – её кавалер – Николай: лет под сорок, по выправке видно, что – военный. Причём, никак не ниже полковника. Только плешь, да гнилость во взгляде портили впечатление. Седьмой сидела Олеся. Женщине было далеко (очень далеко) за тридцать, но она относилась к тем представительницам слабого пола, которым никогда не дашь на вид столько, сколько им есть на самом деле. Олесе можно было дать двадцать пять – двадцать шесть, – не больше. Даже морщинки на шее – первые предательницы женщины – были практически незаметны. И, наконец, последний – Олег. О нём Андрей почти ничего сказать не мог, кроме того, что Олегу тридцать два года, он занимает один номер с Олесей, имеет высшее

экономическое образование и находится в прекрасной физической форме.

Денёк выдался погожим. После завтрака все отправились на работу.

Кроме Германа.

Глава шестая. Разминка

1

Он вышел сразу после завтрака и направился в город. Надо сказать, что Германом овладел азарт обречённого. Когда с каждым разом проигрываешь всё больше и больше, но ещё веришь, что отыграешься. Он хотел найти Анжелу, остальное не имело никакого значения. Он даже ни на секунду не задумался, что будет, если он найдёт её, а она откажется возвращаться с ним. Для него это предположение относилось к области фантастики. Герман решил, что девушка таким образом всего-навсего хочет испытать его. Что ж, он пройдёт это испытание!

Город носил название: «Люблинск». Герман решил, что это доброе предзнаменование. Но стоило ему войти в городскую черту, где с бешеной скоростью мчались автомобили и грохотали трамваи, как он тут же потерялся, не зная, куда двигаться дальше. Хорошо, что он вспомнил об инструкциях, переданных ему Владом. Он достал бумагу, внимательно изучил её, после чего поднял руку, останавливая машину.

– Шеф, на цветочный бульвар не подкинете?

Вместо того чтобы сразу назвать сумму, водитель спросил:

– В какое именно место? – Цветочный – большой, почти весь город пересекает.

– Как Бродвей в Америке!

– В Нью-Йорке. Да, типа того.

Герман ещё раз сверился с листком.

– Там где-то должен быть большущий такой, просто громадный магазин одежды.

– А! Понял! Сотня.

– Едем.

Герман выбрался из авто в виду солидного здания. По словам водителя, это и был центральный городской магазин одежды. Со слов же Влада выходило, что Анжелу вчера видели в этом магазине. Непонятно, зачем бы ей и сегодня приходить сюда, но врач сказал, что поиски лучше начать отсюда.

Отсюда, так отсюда. Молодой человек вошёл в магазин. До московских этому одёжному центру было, конечно, далеко, и до калининградских (Герман был родом из Калининграда) тоже, но по общероссийским меркам, действительно – громадина. Можно было пробродить по нему весь день, и не осмотреть полностью.

До полудня он обходил секции, но так ничего и не нашёл. И вот когда уже собирался пойти перекусить, он вдруг увидел её. Совсем не такая, какой он знал эту девушку: чопорная, до безумия чужая. Стоит и торгует мужскими туфлями, причём, с таким видом, будто занимается этим уже несколько

ко лет, и всё это успело ей порядком надоесть.

Герман стоял в нерешительности, в упор глядя на девушку, с которой провёл незабываемую ночь за партией в шахматы. Одному ему известно, чего стоило перебороть свою робость, но это случилось, и, забыв обо всём на свете, он ринулся к ней.

Она остановила его холодным взглядом не узнающих глаз. Он снова замер, даже дышать забыл.

– Что Вам угодно, мужчина? – Спросила она тоном сто-процентной совковой продавщицы.

– Анжела... Девочка моя, Анжелочка, ты что, не узнаёшь меня?

– Гражданин, Вы что?! Чего Вам вообще надо?! – И слегка менее официальным тоном добавила: – Меня не Анжела зовут. – Показала бейдж.

– Лукошкина Светлана Николаевна. – Вслух прочитал в конец сбитый с толку парень. – Но как же так?! – Господи, да что же они с тобой сделали?! Анжелочка... всё забыла! А шах белому королю тоже не помнишь?

– Молодой человек, я впервые Вас вижу!

– А как же шах? – Не унимался он. – Мы же с тобой предыдущей ночью...

– Если Вы сейчас же не прекратите, я буду вынуждена вызвать милицию.

– Но... ведь это же... Господи! Да хватит меня разыгрывать! Неужели же я заслужил... я... ох...

Герман опустил плечи и поплёлся к выходу, шаркая, как старый дед.

– Молодой человек. – Окликнула его продавщица. Он обернулся; в глазах снова горела надежда. – Будете так шаркать, – никакой зарплаты на обувь не хватит. – Но слова её ничего не значили, потому что она протягивала Герману сложенный вчетверо лист бумаги.

Всё-таки – маскарад, – подумал он.

Подошёл, взял листок, открыл рот, но девушка приложила указательный палец к губам, а затем приблизила к глазу, мол, ничего не говори, за нами подглядывают. Тут же превратившись в пародию на шпиона, но, чувствуя себя стопроцентным Джеймсом Бондом, Герман спрятал лист в карман и, озираясь по сторонам, вышел из отдела «по стеночке».

Послание он прочёл уже на улице, не замечая, что в десятке метров над его головой висит предмет, смутно напоминавший птицу. Знакомым уже каллиграфическим почерком было написано следующее:

«17.00 ул. Садовая 4 – 17.

P.S. Будь осторожен, это секта какая-то!»

И всё. И ни словечка более; но Герман был уже на седьмом небе от счастья. Она назначила ему свидание, а значит – она любит его. Приписка насчёт секты? – Возможно, это, как в рыцарских романах: он должен спасти красавицу из пасти чудовища?

Эх, жаль, пистолет остался в номере, – подумал Герман, –

уж с ним-то я чувствовал бы себя настоящим героем!

2

Улица Садовая шла параллельно Цветочному бульвару, но, в отличие от центральной улицы города, казалась занюханым проулком. Возле каждого дома громоздились кучи мусора, будто бы никто из местных жителей не был озабочен тем, чтобы относить его куда-то. Отходы выбрасывали прямо из окон. Пахло гнильём и испражнениями. Асфальт появлялся местами, остальная часть представляла собой месиво из грязи, осколков и обёрток. Листва на кривых, словно скрюченных тяжёлой болезнью, деревьях тоже росла хлипкими клоками. Узловатые ветви никли к земле. Дома, казалось, пытались вжаться поглубже в землю, чтобы не видеть ничего вокруг, в том числе и таких же серых заморышей, как и они сами. Окна их скрывались за толстым слоем паутины и пыли. Несмотря на ясную погоду, солнце – даже оно! – боялось заглядывать сюда.

Герману стало страшно. Ему вдруг почудилось, что сам воздух – непрозрачный и дурно пахнувший – тяжким грузом лёг ему на плечи. С трудом он нашёл притулившийся на задах перекошенный многоквартирный дом под номером четыре. Лифта не было. А если бы и был, – подумалось Герману, – ему бы пришлось ездить по диагонали.

Дух на лестнице стоял адский, и молодой человек решил

дождаться свою девушку на улице. Он едва дотерпел до пяти часов, не зная уже, чем занять себя. За это время мимо него всего два раза прошли люди: сначала – двое, затем – трое. Все, как на подбор, крепкие молодые парни. Нужный Герману подъезд проглатывал их, как удав кроликов.

Наконец, появилась она.

Он бы бросился к ней, да только Анжела была не одна. Её сопровождающий являлся почти точной копией тех, что уже зашли в подъезд. Девушка шла, не обращая внимания ни на Германа, ни на своего спутника; и вообще взгляд у неё был стеклянный.

«Земля вызывает юпитер» – шутили обычно над такими, но Герману было не до шуток. Почва под ним, по всей видимости, зажила собственной жизнью и начала плавно уходить из-под ног.

Анжела и её провожатый зашли в подъезд. Последний всё не возвращался, как, впрочем, и предыдущие пять. Выждав несколько минут, Герман пошёл вслед. Он чувствовал, как по жилам разливается жгучий лёд. Это ощущение пришло откуда-то из детских кошмарных снов.

Потоптавшись, он постучал в дверь, с номером семнадцать, потому что по близости не было никакого намёка на звонок.

Тишина.

Но нет, внутри очень приглушённо звучала музыка. Религиозная, или весьма с ней схожая.

Шаги.

Герман зажмурился, затаил дыхание.

Дверь открылась.

Молодой человек поднял веки. Перед ним стоял парень, провожатый Анжелы, одетый в распахнутый чёрный халат с бахромой, под которым он был абсолютно наг. Из-за его спины доносились песнопения и ритмичные с элементами агонии вздохи.

Пришедшего жестом попросили внутрь. Он вошёл. «Пожалуйста в комнату» – опять же жестом. Стоило ему перешагнуть порог, как дверь за ним захлопнулась с подозрительным металлическим щелчком. Заскрежетал запор. Герман кинулся к двери и саданул в неё плечом, но та непреклонно парировала атаку.

В комнате не было ничего. Четыре стены, и... всё! Однако одна из стен была зеркальной. Он хотел было проломиться сквозь неё, но тут стена стала прозрачной, и молодой человек не только увидел, но и услышал, что происходит в соседней комнате.

Волосы его встали дыбом.

Мертвенный свет, наполнявший комнату за стеклом, исходил от пяти чёрных свечей, которые держали крепкие парни в чёрных же халатах, накинутых на голые тела. Они стояли, не двигаясь, по вершинам пяти лучей, выведенной на полу звезды. В центре пентаграммы стоял импровизированный алтарь, на котором, разметав руки и ноги, лежала Ан-

жела. В свете колеблющихся огоньков пот на её нагом теле искрился, стекая капельками на алтарь. Шестой парень был занят тем, что в такт звучащим песнопениям входил в девушку своей напряжённой плотью. Она тоже в такт выдыхала какое-то слово, а, может быть, просто бессмысленный набор звуков.

Ноги Германа подкосились, и он осел на пол.

Темп музыки ускорился. Ускорялся и парень, а вместе с ним вскрики Анжелы. Наконец, музыка понеслась вскачь, и внезапно зависла на самой высокой, пронзительной ноте. Паря достигла оргазма.

Парень вынул начавший поникать член, подошёл к ближайшему подельнику справа, принял у него свечу, и всё началось по новой: музыка, ритмичные движения и вздохи.

И опять. И опять.

И так до тех пор, пока все шестеро не вошли в неё и не изверглись.

Шестой сменил первого, взяв у него свечу. Всё это Герман наблюдал в полном оцепенении, словно происходящее касалось не его самого, и не его девушки, а кого-то другого. Прозрачная стена представлялась всего лишь экраном телевизора. Но при последующих событиях он встрепенулся.

Тот, что брал Анжелу первым, встал меж её ног на колени и отпечатал поцелуй в промежность. Но от взгляда Германа не утаилось, что в этот момент его правая рука скрылась под алтарём, что-то доставая оттуда.

В свете танцующего пламени он увидел кинжал с огромной рукоятью, едва ли не превосходящей по размерам сам клинок. Что собирался делать с ним «чёрный халат»? Двух мнений на этот счёт быть не могло.

Герман рванул на стену, в надежде проломить её своим весом и прекратить всё это хоть как-нибудь.

Стена не поддавалась, будто была сработана из стали, а не из стекла. Герман стал сползать по нему. Его сил хватило лишь на один удар отчаяния кулаком.

Блеснуло лезвие.

Клинок по самую рукоять плавно вошёл в тело девушки. Прямо туда, куда вводили свои «орудия» «чёрные халаты».

Она выгнулась дугой.

Хлынула кровь.

Свечи задули.

Мрак окутал обе комнаты.

Воздух в той, где находился Герман, наполнился газом.

Молодой человек потерял сознание, надеясь, что это – смерть пришла за ним.

3

Но его надеждам не суждено было сбыться. Спустя час, судя по его наручным «Casio», он очнулся. В его комнате было по-прежнему темно, а вот комната за стеклом освещалась холодным сиянием люминесцентных ламп.

Если бы вместо прозрачности стена вновь приобрела зеркальность, то Герман узрел бы в своей шевелюре седую прядь. Купаясь в синеватых лучах, посреди комнаты покачивалось обезглавленное тело девушки, подвешенное на дыбу. Невдалеке валялась груда окровавленных лохмотьев, в которых Герман не сразу признал голову Анжелы. Впрочем, лица видно не было. К счастью.

Кинжал по-прежнему торчал из промежности тела, как обвисший гипертрофированный член гермафродита.

У молодого человека закружилась голова. Пол ушёл из-под ног. На этот раз по-настоящему. Герман полетел куда-то вниз по узкому жёлобу.

Хотелось кричать, но тело отказывалось повиноваться ему. Если обычно мысли в мозге передвигаются химико-электрическим путём, то сейчас в голове Германа они передвигались исключительно благодаря силе тяжести.

Падение, а точнее, съезд по жёлобу, продолжался секунд десять-двенадцать. Однако несчастному парню они показались вечностью, наполненной болью и мукой.

Он с разгона плюхнулся в канаву, наполненную грязной водой. Из правого глаза посыпались искры: при падении он сильно ударился лицом об колено. Вокруг – темнота, хоть глаз коли. Думается, что он согласился бы лишиться зрения часа два назад, узнав, что ему придётся лицеизреть.

Герман понятия не имел, где он оказался. Единственный порыв, руководящий им сию секунду, был: выбраться отсюда

поскорее. Он поднялся на ноги, кое-как нащупал склизкую стену и, придерживаясь за неё рукой, побрёл вперёд.

Грязная вода доходила ему до колен. Иногда под ногами что-то двигалось и вроде бы пищало. Молодой человек не обращал не это особого внимания, но пару раз его стошнило. Наконец, дрожащие пальцы нащупали металл.

Лестница!

Скобы, по которым можно забраться наверх. Собрав остатки сил, он полез наружу. Добравшись до предпоследней скобы, он понял, что между ним и наружным миром осталось ещё одно препятствие: крышка люка. Он упёрся в неё плечами и поднатужился. Никакого результата; она словно намертво вросла в ложе.

Откуда-то из далека тёмных туннелей донёсся холодящий кровь вой.

Герман дёрнулся. Крышка люка отлетела метра на полтора. При ударе он повредил плечевой сустав.

Люди, проходившие по Цветочному бульвару в половине девятого вечера, могли видеть следующую картину: люк дренажной системы срывается с места и отскакивает, в образовавшемся проёме показывается грязный молодой человек лет двадцати, со следами смертельной усталости на лице и подступающего безумия – в глазах. Волосы его перепачканы грязью, но можно различить две, или три седых ряды. Один глаз подбит. Правая рука свисает плетью.

Он выскочил из люка, точно ошпаренный. Теперь над-

лежало разыскать блюстителя порядка и поскорее отвести его туда – на Садовую. Изуверы, сектанты, или кто они там, должны получить своё.

Милиционер нашёлся почти сразу. Он сам выделил Рутштейна из толпы. Подошёл, козырнул, представился.

– Ваши документы.

– Сейчас, сейчас. – Герман привычным жестом полез в карман, но на полпути рука его замерла; он вспомнил, что оставил паспорт в номере. – Извините, кажется, я забыл их на шоу.

– На каком шоу?

– А Вы разве не знаете, что у вас тут новое реалити-шоу снимают?

– Что-то такое слышал, но там частные владения, так что... Но почему Вы в таком виде? Что произошло?

– Сейчас всё объясню. Я ведь и сам... это... хотел найти Вас...

– Меня?

– Да любого милиционера, хоть бы... У Вас тут в городе такое творится! – И Герман вкратце рассказал всё, чему сам стал свидетелем.

Поначалу у человека из органов всё шире и шире открывались рот и глаза, но в какой-то момент выражение его лица переменялось. Стало недоверчиво-снисходительным.

– Где, Вы говорите, всё это произошло?

– Садовая, четыре – семнадцать.

– Вы лжёте.

Герман задохнулся. Никак не предполагал он такого оборота событий. Ни слова не могло вырваться из его горла, хотя набилось их там порядком.

– Или же Вы – сумасшедший, – продолжал милиционер, – и выдаёте бред Вашего воспалённого сознания за то, что происходило на самом деле.

– Но почему?!

– Да потому, что на Садовой улице нет никакого дома под номером четыре. Его снесли лет десять назад, и была это обычная частная хибарка.

– Но я же там был!!!

– Знаете, что, молодой человек, мне придётся задержать Вас. Может быть, врачи заинтересуются Вами.

Поняв, что помощи тут ждать бесполезно, Герман рванул вперёд. Сотрудник попытался догнать его, на куда там, – у парня, словно второе дыхание открылось. Он бежал туда, откуда прибыл только утром, но совершенно другим человеком.

Было около девяти часов вечера.

4

А в начале восьмого участники шоу решили провести вечер на пляже возле озера и поиграть в волейбол. Притащили сетку, вкопали два столба, расчертили поле и разбились на

команды.

В первой, где капитаном стал Андрей Сабуров, играли: Ислан, Миша, Рита, Олеся и Кира. Во второй: Дмитрий, Люба, Саша, Маша, Максим. Шестым, а также капитаном команды паче всяких чаяний стал Влад. Он тоже присоединился к ребятам, сказав, что неплохо было бы развеяться.

Остальные либо загорали, либо купались. Лика, похожая на колдунью, отсиживалась в тенёчке, будто на неё и правда негативно действовал солнечный свет. Психиатр Юра отыскал себе где-то раскладное креслице и зонтик от солнца. Больше всего он напоминал сейчас русского на иностранном пляже, изображающего колумбийского наркобарона, или хозяина шикарной виллы, как минимум. Свою Катю он гонял нещадно, будто бы она уже лет десять была его женой.

После первых минут игры выяснилось, что в команде Влада в волейбол умеют играть только трое: сам Влад, Дмитрий да Сашка. Максиму это было явно в новинку, а девушки, похоже, даже в школе манкировали этим видом спорта.

Андрей поначалу думал, что оказался в менее выигрышном положении: всего трое мужиков, причём, Ислан ни сном, ни духом, но он очень старался, очень. Миша – чуть лучше, но он так и норовил забросить мяч в аут.

Они с Кирой стояли как раз в линии защиты, когда он понял, что несколько заблуждался насчёт своей команды. Андрей отдал Кире пас над самой сеткой, надеясь, что она перекинет мяч. Девушка же грациозно, словно горная серна,

взвилась в воздух и профессиональным движением загасила мяч. Команда противника даже сделать ничего не успела.

– Вот это да! – Воскликнул Андрей. – Где это ты так научилась?

– Да так, на курсы ходила. – Смущённо улыбнулась девушка.

Через несколько минут выяснилось, что Олеся тоже не лыком шита и, между прочим, КМС по волейболу.

Однако первый тайм они проиграли со счётом: двадцать три – двадцать пять. Противники их поняли, что расслабляться нельзя. Да и Андрей пропустил несколько лёгких мячей, потому что львиная доля его внимания была отдана не игре, а созерцанию гибкого, стройного, лоснящегося от игрового пота тела его девушки в бикини. Зрелище, надо сказать, и вправду потрясающее.

Ко второму тайму он собрался. Помогли два фактора. Во-первых, – он почему-то подумал, что те – за сеткой – противники не только в волейболе, во-вторых, – подстёгивал «Чайф» из магнитофона:

Какая боль, какая боль:

Аргентина – Ямайка: пять – ноль.

Нет, Шахрин, ты не прав, – подумал Андрей и принял сложнейшую подачу Влада. На этот раз команда Влада практически ничего не смогла противопоставить команде Ан-

дрея.

Двадцать пять – четырнадцать в пользу последней. В перерыве фотографировались на фоне сетки.

Третий тайм. Атмосфера на поле накалилась до предела. То одна команда, то другая вырывались вперёд, но отстающая тут же навёртывала. Разыгрался Дмитрий. Гасил почти все мячи, которые ему пасовали. Тройка: Андрей, Кира, Олеся, тоже не дремала. Они поднимали мячи от самой земли, смущали: девушки – мужскую половину, Андрей – женскую (было чем). И забивали, забивали, забивали.

При счёте: двадцать один – двадцать один игра была остановлена очередным истошным криком Лили.

5

Лиля понемногу отходила от случившегося с ней. Она с удовольствием смотрела, как ребята и девчонки гоняют мяч. Пару раз на её губах появлялась блеклая улыбка, которая тут же таяла.

Очень хотелось искупаться, но стоило ей подумать, что она войдёт в озёрную воду, как перед глазами вставали картины с болота. Она прекрасно плавала, но боялась, что чья-то склизкая рука с отслаивающейся кожей схватит её за ногу, или за руку (какая разница?!) и увлечёт её за собою в тёмную пучину ила к вечному мерцающему покою на дне.

Нет, купаться она не пойдёт. Однозначно. Она посмотре-

ла в ту сторону, где сидела Лика. Вид у девушки был отрешённый, самосозерцательный.

О Лике в стане участников реалити-шоу ходили разные слухи. В том числе и такие, будто девушка видит будущее. Между вторым и третьим таймом Лиля поднялась с покрывала, на котором загорала, и подошла к отдыхавшей в тенике «ясновидящей».

– Привет.

– Привет.

– Я бы хотела поинтересоваться...

– Ясновидящая я, или нет?

– Точно!!!

– Нет.

– Но как ты тогда узнала о том, что я хочу спросить?

– Это же элементарно, Ватсон, – усмехнулась Лика, – я же знаю, какие слухи про меня ходят. Кстати, большую часть я распустила сама для поддержания имиджа. У тебя случилось горе, а когда у людей горе, то девяносто процентов из них хотят знать: что же будет дальше. К чему ещё готовиться? Это счастливые о будущем не думают, потому, собственно, и счастливы.

– Извини, что потревожила.

– Ничего, ничего. Кстати, кое-какое предостережение я тебе сделать могу.

– Что ещё?

– Если ты сегодня же не укажишь отсюда на все четыре

стороны, то другого шанса может просто не представиться. Сечёшь?

– Но мне очень нужны деньги.

– А кому они не нужны?

– Я не могу уехать.

– Ну, как знаешь.

На обратном пути Лиля всё же набралась храбрости и помочила в озере ноги. Прохладная вода привела её в чувства. Она осмотрелась. Дюжина на поле самозабвенно перебрывалась мячом. Остальные откровенно ловили кайф. Даже Катя улучила минутку, чтобы искупаться, и уже подставляла худые бока ласковому солнышку.

Да что здесь может плохого случиться? – Ничего. – Решила женщина. – Просто Лика несколько не в себе.

С этими мыслями она подошла к своему покрывалу, расстеленному на песке, и легла ничком. Что-то твёрдое упёрлось ей в живот чуть выше паха. Она точно помнила, что этого чего-то там не было, когда она вставала. Там вообще ничего не было. «Что-то» шевельнулось. Лилия уже знала, что это, и куда норовит забраться. Пока спасало покрывало.

Женщина вскочила, будто укушенная змеей. Откинула покрывало. Так и есть: шевелилась, сучила пальцами, что твой слепой крот, пыталась вылезти торчащая из песка кисть руки, испачканная кровью.

Лилия кинула на неё покрывало, но шевеление не прекратилось. Она ринулась к волейболистам и, подбежав почти

вплотную, закричала.

Игроки прервали матч и окружили её, выпрашивая, что же случилось на этот раз. Женщина только беспомощно шевелила губами и показывала на своё пляжное покрывало.

6

Тщетно Андрей, Влад и Дмитрий пытались найти что-либо под Лилиным покрывалом. Один песок и – ничего больше. Никаких рук, ног и прочих частей тела. Потратив минут двадцать на раскапывание внушительных размеров котлована, добравшись до твёрдой земли, ребята собрались в сторонке на совещание.

– Андрей, что думаешь? – Спросил Влад.

– Ты врач, тебе виднее.

– Мне кажется: галлюцинации на почве посттравматического синдрома, осложнённого неврастенической реакцией.

– Одним словом, она не в себе. – Подытожил Дмитрий.

– Да.

– Её дальнейшее участие в шоу не грозит расстройствами посильнее? – Спросил Дмитрий.

– Да. Меня это тоже волнует. – Поддержал его Андрей.

Влад в нерешительности молчал. Казалось, он разрывается между двумя полюсами некой проблемы.

– Как врач, я бы посоветовал сейчас же её госпитализировать. Для окружающих она вряд ли может быть опасна, но

могут произойти рецидивы галлюцинаций. Причём, заметьте: у неё очень серьёзное осложнение, поскольку воображаемое она не только видит, но и слышит, и осязает. Думаю, что мне следует посоветоваться с Юрием Владленовичем. Я-то не психиатр.

– Так что делать-то будем? – Дмитрий печально смотрел на склоняющееся к горизонту солнце.

– Подождём до завтра. Я свяжусь с руководством. Скорее всего, отправим её на реабилитацию.

– Где она будет спать ночью? – Спросил Андрей.

Врач хмыкнул.

– Вам решать. Но одну её лучше не оставлять.

– Деньги ей отдадут? – Поинтересовался Дмитрий.

– Безусловно.

Андрей тем временем оглядывал пляж. В некотором отдалении от столпившихся вокруг Лили людей стояла Лиза.

– Елизавета! – Крикнул Сабуров.

– Да?

– Подойди, пожалуйста.

– Что?

– Ты не против, если Лиля сегодня переночует у тебя? Дело в том, что её лучше не оставлять одну.

– Хорошо. – Лиза потупилась. – Я и сама хотела предложить, но стеснялась подойти к вам.

– Ну, и ладненько. Вот и договорились.

Солнце зависло над горизонтом, будто не собираясь опустаться. Пляж опустел, и только одинокая волейбольная сетка еле заметно покачивалась на лёгком тёплом ветерке.

Участники шоу разбрелись по номерам. Как ни странно, но на многих состояние Лили не произвело никакого впечатления. Они продолжали жить в своих мыслях и мечтах.

Саша целовал Риту, но в мыслях уже предвкушал, как ночью встретиться с Любой, с которой уже обо всём договорился. Он ещё не знал, что действительно встретился с ней, но при абсолютно иных обстоятельствах, нежели предполагал.

Лиле снова дали снотворное. Пока она не уснула, Лиза читала ей «Волхва» Джона Фаулза, не представляя, что той, кому читала, так и не придётся узнать, чем же кончится книга.

Таня и Аня предвкушали ещё одну ночь любви. И если бы кто-нибудь сказал им, что это будет их последняя ночь страсти, то не поверили бы, посмеявшись над ним. По крайней мере, – Таня.

Андрей и Кира пили красное вино и мирно беседовали, пока к ним не вломился грязный и взъерошенный Герман, и не начал сбивчиво рассказывать, что с ним приключилась, трясая грязными седыми волосами. Знай они, что не скоро им придётся ещё вот так сидеть и тихо болтать обо всём на свете (а в этой юдоли и вовсе – никогда), то, вероятнее всего:

собрали бы манатки и укатили бы прочь.

Влад консультировался с Юрой, которому уже утром предстояло убедиться, что все его знания и гроша ломанного не стоят, потому что просто не применимы к жизненным ситуациям. Вся его – Юры – работа заключалась в том, чтобы полумеханически назначать лекарства, а уж помогут они, или повредят – дело десятое.

Дмитрий стоял и смотрел на заходящее солнце. А, может быть, на город, в окнах которого начинали зажигаться вечерние огоньки.

О чём он думал?

Об этом не знала ни одна живая душа, кроме него самого. Можно сказать лишь, что глаза его излучали уверенность.

8

Андрей плеснул в бокалы вина. Хороший вечерок. Хотелось, чтобы закончился он тихо и спокойно, несмотря ни на что.

– Что ты думаешь по поводу всей этой истории с Лилей? – Спросил он Киру.

Та сделала небольшой глоток, поставила бокал на столик, задумалась.

– Ты знаешь, – сказала он немного погодя, – меня терзают смутные сомнения. – Вымученно улыбнулась. – Конечно, я не очень хорошо знаю Лилю, но что-то не могу я поверить в

эту версию с галлюцинациями.

– Почему?

– Ну, во-первых, – это первое, что приходит на ум. Но совсем не обязательно, что это именно так и есть. Во-вторых, – все мы проходили психолога. В-третьих, – в наше время ужасы смерти и нечеловеческих зверств на каждом шагу, так что психика их воспринимает почти, как должное. И, в-четвёртых, – слишком уж настойчиво нам пытаются подsunуть эту версию.

– Твоя правда. Но есть ли у нас какие-либо факты, опровергающие эту версию?

– Нет. Но между таймами возле Лилиного покрывала крутились двое: Макс и поэт.

– Дмитрий?

– Да, он. Однако по его поведению нельзя было сказать, что он что-то замышляет.

– По нему никогда и ничего нельзя сказать. Ладно, завтра присмотрюсь, поспрашиваю. А пока... – Андрей ласково посмотрел на девушку, – иди ко мне.

Она пересела со своего места к нему на колени. Сделала ещё глоток красного вина.

– Слушай, а где Герман? – Я его сегодня целый день не вижу. – Кире явно нравились её логические выкладки, и отношение к ним Андрея.

– Он ушёл в город, искать Анжелу.

– Кто сказал, что она в городе?

– Влад. Но он получил эту информацию сверху, я сам видел распечатку.

– Никак не могу понять Влада: то ли он что-то замышляет, то ли действительно держится в стороне от всего.

– Есть сомнения? – Андрей подобрался, хотя одной рукой по-прежнему обнимал Киру за талию.

– Да в том-то и дело, что он не даёт поводов сомневаться в себе. Вчера он, увидев меня, совершенно искренне позвал в медпункт, сказав, что ты там, и, наверное, уже соскучился по мне. Когда он открыл дверь, у него был такой вид, что он совсем не ожидал увидеть ту самую картину, которую мы с ним узрели.

– И встретил он тебя случайно?

– Да. Я возвращалась в номер, а он шёл откуда-то со стороны склада.

– Надо присмотреться к нему.

– Присмотрись, и получше. Но я вспомнила о нём в связи с другим делом.

– Анжела?

– Да. Мне думается, что её исчезновение подстроено.

– И она одна из них?

– Не исключено. Подождали, пока Герман привяжется к ней, а это произошло довольно скоро, потому что он человек неопытный. Затем изъяли объект симпатий, и теперь следят за его действиями, чтобы всё это стало достоянием публики.

– А как они всё это снимут? В городе же нет камер.

– Да, вопрос. Но, может быть, уже есть специально оборудованное место, квартира какая-нибудь, куда его заманят. Не знаю.

– Одним словом, нас здесь держат в качестве подопытных кроликов?

– Не знаю. Вот знать бы, что видел Герман, можно было бы построить неплохую гипотезу, и попытаться подтвердить её.

– Какая ты у меня умная, аж страх берёт! Всё меньше и меньше верится, что ты работаешь на парфию...

Кира не дала ему договорить; закрыла рот губами. Терпкий привкус вина доминировал в их поцелуе. Андрей положил свободную руку ей на грудь, чувствуя, как набухает её сосок...

Дверь в их номер распахнулась – Сабуров забыл закрыть её на задвижку – и на пороге появился грязный, взъерошенный, трясущийся...

9

Герман, глаза которого бегали по ним и по обстановке, словно, не узнавая ничего вокруг. Наконец, взгляд его стал несколько более осмысленным.

– Андрей, поговорить надо. – Выдохнул он.

– Да ты заходи, чего в дверях-то застрял? – Проговорил Сабуров, убирая руку с желанной Кириной груди.

– Наедине.

– Здесь все свои.

– Верю, но девушке такое... это не для её ушей.

– Сядь! Выпей! Успокойся! И, в конце концов, расскажи, что случилось.

Герман сел. Андрей налил ему полный бокал. Тот выпил залпом и поморщился, словно это была водка. Андрей налил ещё. Герман отхлебнул примерно половину.

– Ты заметил, что произошло с его волосами? – Шепнула Кира.

– Да. Видать, дело не шуточное. – Это Кире, а Герману: – Давай, говори.

– Поначалу всё было нормально... – Начал он свой рассказ.

... – И вот, я у вас.

Прошло уже более получаса. Герман немного пришёл в себя. Но вместо того, чтобы успокоиться, он начал нервничать ещё больше: сгрыз все ногти, оторвал две пуговицы.

– Не знаю, что делать, к кому обратиться. Ничего не знаю... Всё так ужасно... Пусть лучше бы меня, чем её... Мне никто не верит...

– Мы тебе верим. – Заверила его Кира.

Сабуров достал сотовый.

– Алло, Влад? Слушай, тут Герман объявился... К тебе?... Он такие ужасные вещи рассказывает!.. Вроде похоже на правду... Понял... Я нужен?... Хорошо, сейчас всё сделаю.

Он оторвал трубку от уха, отключился, посмотрел на Гер-

мана.

– Дуй сейчас к Владу. Расскажешь всё, что рассказал нам. Он сам всё устроит и с властями свяжется.

– А ему это... ну... доверять-то можно?

– Кроме него никто помочь не сможет.

– Ясно. Ну, всего вам.

– Спасибо.

– Что ты теперь думаешь? – Спросил Андрей Киру, когда Герман вышел.

Кира задумалась. Все её логические построения рассыпались, как карточный домик, а ведь в университете она была первой по логике. Твёрдая пятёрка, то бишь – отлично.

– Скажу честно: чувствую себя как Алиса, которая вместо Страны Чудес, по ошибке забралась в Страну Ужасов.

– А ты глаза его видела?

– А что с ними?

– Бегали, как два загнанных кролика.

– Ты думаешь, он лгал нам?

– Не знаю, но, может быть, нас с тобою хотят постращать?

– В таком случае им это удалось. – Девушка заглянула своему возлюбленному в глаза. – Меня просто трясёт от ужаса.

Он прижал её к себе, почувствовав, что её нежное тело действительно сотрясает дрожь, а бархатистая кожа покрылась мурашками.

– Иди, я успокою тебя.

– Должен с тобой поговорить об одной вещи. – Сказал Андрей чуть позже.

– Я, кстати, тоже, – улыбнулась Кира, – но со всеми этими проблемами недосуг было.

– Начинай ты.

– Утром вызвал меня Влад.

– Ну, это-то я знаю.

– Так вот, если бы не эта мерзавка, то я сразу бы тебе сказала.

– Сейчас, вроде, тоже не поздно.

– Усадил в кресло и давай петть насчёт здоровья, – Андрей насторожился, – дескать, по одни анализам я являюсь носителем ВИЧ, а по другим – нет.

– А ты?

– А что – я? – Я знаю, что этого быть не может, потому что не может быть.

Девушка уловила в глазах парня немой вопрос.

– Я не наркоманка. Когда брали кровь на анализы, то я всегда следила, чтобы шприцы и иглы были новые, а иногда приносила свои. Я очень пекусь о своём здоровье.

В его глазах что-то вспыхнуло. Догадка? – Кира не сразу поняла.

– Так он и тебе об этом говорил?! – Поразила она вне-

запному озарению.

– Да, вчера.

– Почему же ты мне не сказал?

– Он просил не говорить тебе до полного выяснения, сказал, что сам с тобой побеседует на эту тему.

– Господи, Андрюша, представляю, каково тебе было! – Она обвила руками его шею и покрыла лицо поцелуями. – Да ты у меня – герой. И к другой не сбежал, хотя было к кому.

– Я помучился, – сознался он, – но я же люблю тебя, Лапушка моя.

– Знаю, знаю. И я. А тут ещё мои задвижки на постельной теме...

– Да, я было подумал грешным делом, что это тоже из-за этого.

Притворно-серьёзным взглядом она осмотрела его.

– Вам, молодой человек, надо меньше думать. – А потом, прижавшись к самому уху, едва слышно прошептала: – Любимый, ты у меня будешь первым... И, думаю, что последним.

От такого признания Андрей оторопел. Ему потребовалось некоторое время, чтобы переварить полученную информацию. Зато все события последних трёх дней, связанные с Кирой, нашли своё объяснение, а её поступки – оправдание, в коем явно не нуждались.

Теперь он почти боготворил девушку. Можно сказать, что он первый раз в жизни видел девственницу старше трина-

дцати. При всём его богатом сексуальном опыте даже отчаянные скромницы и недотроги на поверку оказывались уже не чистыми. И все рассказывали байки. Точнее байку, которая мало видоизменялась, переходя из уст в уста. Составные части: тринадцать лет, вечер, или ночь, машина – восьмёрка, или, в крайнем случае, девятка, хороший парень, спиртное (зачастую «первый раз в жизни») и, как итог, – дефлорация.

Было время, когда Андрей подкалывал своих девушек, рассказывая им эту байку вперёд них самих. В ответ – раскрытые от удивления рты и вопрос: «Откуда ты узнал?». Встречный вопрос: «Почему не заявили об изнасиловании?» – молчание.

Сейчас всё обстояло по-другому.

– Кирхен, милая моя... как же?!

Скромно потупилась, улыбнулась, посмотрела в глаза.

– Так получилось. – Встала с его колен, глотнула вина прямо из горлышка, улыбнулась снова, но уже иначе, отдаваясь Андрею душой и телом в этой самой улыбке. – Пойдём! Я не собираюсь оставаться в этом сани вечно!

Он взирал на неё с восхищением, веря и не веря себе самому. Тогда она взяла его за руку и потянула на постель.

Все злоключения последних дней испарились, дурные мысли остались в другом мире.

Здесь и сейчас были только он и она.

Тепло тела Другого: узнаваемая, но так и не познанная тайна мироздания. Ощущая его, сливаешься с природой, со

всей вселенной. Растворяешься в нём, и для тебя исчезает всё, кроме этого тепла, кроме податливой ласки и нежных слов.

Так для Андрея и Киры не существовало сейчас ни видеокамер в номере, ни самого номера, ни даже постели, ставшей гнёздышком для двух, снедаемых желанием стать одним. Единым. Целым.

Ночь подглядывала сквозь шторы и училась. Училась соблазнять и отдаваться, дарить любовь и получать её, ждать у входа и принимать ждущего. И опыт её накапливался с каждой парой, рядом с которой незримо парила Истинная Любовь.

Объятия, встречное дыхание, несущее с собою страстный шёпот, беседа естества, в которой понимание приходит без слов. И глаза: огромные, занимающие весь мир, – они тоже признаются в том, о чём боится сказать слово, и что не может выразить язык тела...

«Завтра же мы уедем отсюда».

«Да».

«И будем жить вместе».

«Да».

«Всегда».

«Вечно».

Андрей подхватил Киру на руки и уложил в постель. Он не торопился, – теперь спешить было некуда. Стянул тонкое платье и разрешил её рукам освободить его от ненужной

одежды.

Она лежала, слегка напряжена, лёгкая улыбка на губах и счастье в глазах. Любимый рядом, – что ещё нужно? Он стоял перед ней на коленях. Руки его скользили по её бёдрам и – вниз. Её руки двумя лебедями трепетали на его груди. Он склонился, и навстречу ему открылся нежнейший бутон её губ. Миг страсти, длящийся вечность... но его губы не желали останавливаться на достигнутом. Они хотели познать её вслед за руками. Они приникли к мочке уха, и девушка ощутила дрожь внутри себя, но теперь это была чувственная дрожь желания.

Он освободил её от последних тряпочек, скрывающих трепещущие груди, и само взывающее желание. Скинул свою сдерживающую узду. Теперь они были такими, какими появились на этот свет, а меж их тел то, что появилось гораздо раньше: любовный огонь.

Губы его нашли впадинку на шее, – ниже, – блаженство холмиков плоти. Тут, не выдержав заточения, подключился язык, доказывая, что может не только разговоры говорить, но и вводить в состояние невесомости. Девушка прижала его голову к своей груди. Дыхание её участилось. Меж ног, в потаённой ложбинке – увлажнилось, хотя там уже разгорался пламень страсти. Но он не спешил погасить его, утихомирив своей противопожарной безопасностью, напротив, разжигал его всё сильнее.

Его голова уже у неё на животе. Он продолжал целовать её

тело, невзирая на то, что оно требовало уже более крепкой ласки.

Девушка вздыхала, и вместе с воздухом вырывались едва слышимые пока стоны. Тело начинало свои ритмичные движения. Его губы возвратились из своего увлекательного путешествия. В укромное местечко легла его рука, не показавшаяся здесь не к месту. Рука оказалась сильной, но бесконечно внимательной к желаниям тела. Она разожгла пламень ещё сильнее.

И вот, когда девушке показалось, что больше она не выдержит, если он не предпримет чего-нибудь, он прикоснулся к её губам; легко, едва-едва. И тут она почувствовала его мужскую сущность. Часть целого, каменная плоть любимого, снедаемая тем же пламенем страсти, что и её собственная. Она обхватила пальчиками это запретное средоточие мужской силы, и почувствовала, как в нём бьется ответ на все вопросы её существа. Забыв обо всём на свете, она подтолкнула его внутрь себя, сквозь священные врата – туда, где уже в полную силу бушевал пожар, грозящий спалить её саму.

Входя в неё, он почувствовал слабое, робкое сопротивление, но вот оно прорвано, и он устремляется глубже, до самой потаённой сущности – туда, где происходят чудеса нашей жизни.

Она выгнулась дугой и обхватила его длинными ногами. Глаза закрыты, рот приоткрыт и с шумом впускает и выпускает воздух. Он сперва медленно и плавно, потом ритмичней

и жёстче раскачивает их мир на двоих. Она помогает ему, как может, но вскоре чувствует, что подступает нечто такое, о чём она не имела ни малейшего представления. Мгновения неземного удовольствия, когда вообще всё теряет свой первоначальный смысл, миг сладостного безумия, когда только это имеет значение. Помогая ему гасить пламя, она излилась, точно река, сорвав плотину.

Андрей знал, что надолго его не хватит – слишком уж он раззадорил себя. Но вот он почувствовал, что девушка, напрыгавшаяся всё больше и больше, пережила, наконец, пик наслаждения и ослабла, будто бы потеряв сознание. Она пребывала в блаженной истоме. Тут уж он не выдержал и извергся навстречу ей.

Она теснее прижалась к нему и одарила свежайшими поцелуями благодарности. Он изменил её. Но она не жалела. Нет, она хотела ещё. Она слишком долго отказывалась от этого удовольствия, и теперь её нельзя было оставить без возмещения по счетам за все эти годы. Не прошло и десяти минут, как ласки и поцелуи вновь перешли в слияние. Теперь она была сверху и чувствовала, как неровно проходит дыхание в его лёгкие. Она нагнулась и поцеловала его. Он взял её бёдра и проник так глубоко, что, казалось, вытеснил весь воздух изнутри. И снова на них снизошло откровение единения, накрыв волной удовольствия.

И ещё.

И ещё раз.

Они вышли покурить на балкончик. Но Андрей и здесь не удержался. Едва докурив сигарету до середины, он выбросил её прочь, и принялся ласкать свою возлюбленную, а после взял её прямо тут же, усадив на невысокие перильца.

За одну ночь, девушка столько узнала о физической близости, сколько многим не дано узнать за всю жизнь. Казалось, что уже лучше быть не может, но вот он прикасался к ней с притворным трепетом неопытного влюблённого, и она возносилась на новые небеса.

Казалось, это будет длиться вечно.

Но ничто не вечно под луной.

Они лежали, не в силах вымолвить словечка, отдыхая от переполнявших их чувств, когда двери с улицы и из коридора одновременно распахнулись.

В дверях стояли чёрные фигуры, тут же ринувшиеся к влюблённым. Андрей вскочил и, невзирая на наготу, принял боевую стойку. Однако проявить себя ему так и не дали. Он только почувствовал удар по затылку чем-то твёрдым, скорее всего – прикладом, и тут же сполз в темноту, успев услышать, однако, короткий вскрик девушки. Вероятно, ей заткнули рот.

Глава седьмая. Любовь и боль

1

Герман вышел из кабинета Влада около полуночи. На его лице нельзя было прочесть ничего, кроме тупой решимости что-то предпринять. Он уже не был подавлен, или растерян, нет – он был разочарован жизнью.

Не оглядываясь по сторонам, не думая ни о чём, кроме того плана, что вызрел у него в голове за время продолжительной беседы с врачом, он проследовал к себе в номер и включил свет.

Подошёл к дорожной сумке, с которой прибыл на шоу, немного покопался в её внутренностях и извлёк на свет божий пистолет системы «ТТ», завёрнутый в тряпочку со специально сделанной застёжкой. Сел в креслице, положив освобождённый от тряпья пистолет себе на колени, как пылкую любовницу последнего часа, вытряхнул из пачки «Parlament» сигарету и закурил. Он вдыхал и выдыхал дым, даже не осознавая, что делает. Перед его глазами стояли совсем иные картины.

Вот Анжела целует его и говорит, что всегда мечтала о таком парне, что ему нужно только чуть больше решительности, а так он – просто чудо. А вот её насилуют шестеро

парней в чёрных халатах, а она принимает их, выгибается, вздыхает, точно загипнотизированная музыкой. Вот её голова у него на коленях, и она намекает на то, что неплохо было бы продолжить знакомство в постели, а вот её голова лежит уже отдельно от тела в луже собственной крови и ни на что совсем не намекает, кроме, может быть, того, что все мы смертны.

Обуглившийся фильтр обжёг Герману пальцы, и он вырвал его, затоптав после ногой. Настал момент истины. Пришло время собирать камни и совершать поступки, а не рыдать от последствий поступков, совершённых другими.

Он передёрнул затвор, подготовив пистолет к бою. Это уже не будет стрельбой по банкам и бутылкам. Нет, сегодня «ствол» отведаёт горячей жидкой жизни.

«Делай, что должен, и будь, что будет» – вспомнилось ему. Герман не сомневался в том, что делает должное. Раз жизнь поставила его в безвыходное положение, загнав в тупик, то он ответит ей тем же.

Он поднял пистолет и заглянул в холодное и бесконечно голодное дуло. Оттуда на него глянула сама судьба.

Ну и чего ты этим добьёшься? – Спрашивал его отец из черноты отверстия.

Подумай о нас с папой! – Рыдала мать.

Гера, братишка, – говорила сестра, – мы все тебя очень любим! Ты очень нужен нам! Если тебя не станет, мама этого не перенесёт!

Я не разлюбила тебя. – Спокойный голос Анжелы резонировал со всеми остальными, даже с голосом отца – тот дрожал не в меру. – Да, они убили моё тело, но они не смогли убить мои чувства к тебе. Я жду тебя, милый, иди же ко мне. Сделай хоть раз в жизни поступок, достойный мужчины.

Не делай этого!!! – Голоса близких слились в единых хор. Решайся же! Ну! – Анжела была непреклонна.

Герман засунул ствол пистолета в рот и почувствовал кисловатый привкус металла. Он не знал вкуса жизни, зато теперь познал вкус смерти. Он представил себе, как маленький цилиндрик внутри приготовился принять жертву, и теперь только ждёт команды господина Спускового Крючка.

Указательный палец был уже на нём. Мозг отдал самоубийственный приказ. Тот за долю секунды достиг пальца. Палец надавил на крючок. Прошла механическая реакция. Цилиндрик освободился.

Грянул выстрел...

2

Сумрачная комната без окон.

Человек сидит за компьютером, открывая файлы. Видно, что он только что занялся этим. Однако он не успевает просмотреть поступившую информацию, так как приходит вызов по селектору.

– «Первый», задание выполнено, разрешите зайти.

Человек нажимает кнопку, прикрепленную возле стола.

– Привет.

– Привет.

– Впредь попросил бы поменьше официоза.

– Хорошо.

– Как всё прошло?

– Нормально. Тихо так, мирно. А ты не видел?

– Нет, сам только что освободился. Давай вместе посмотрим.

– Давай. Хочу со стороны посмотреть, как выглядела операция.

– Трудности были?

– Нет. Даже странно, ведь ты говорил, что этот парень – профи. Единственное что – замучились ждать, пока голубки угомонятся. Но дождались, как ты и прика... попросил.

Человек повернулся лицом к монитору, взялся за мышку, и вскоре на экране появилась картинка.

Знакомая уже нам обстановка третьего номера. Двое занимаются любовью. Человек перемотал запись вперёд.

Андрей и Кира лежат на постели, отдыхая от приятных своих занятий. Но идиллия нарушена: двери одновременно с обеих сторон выбиваются в номер, заскакивают люди в чёрном камуфляже и в чёрных же масках. Андрей среагировал мгновенно: слетел с кровати и собрался защищаться. Неизвестно ещё, чем бы закончилась потасовка, если бы Сабуров заметил человека, первым вкатившегося в балконную дверь.

Тот немой зловещей тенью вырос сзади и обрушил приклад «АКМ – 74» на голову нагому противнику. Андрей сразу же обмяк: все его навыки оказались бесполезны, но с ним никто и не собирался связываться в рукопашную, зная исход заранее. От балконной двери метнулся второй и зажал девушке рот рукой, потому что она уже собиралась закричать.

Она оказалась строптивее, чем они предполагали: сразу же укусила руку, заткнувшую ей рот. Однако нападавшие неплохо подготовились к налёту: Кире тут же засунули в рот тряпку, пропитанную усыпляющим раствором, и наставили на неё автомат.

– Одевайся. – Рыкнул один.

Девушка вскинула голову. Человек перед монитором остановил запись и внимательно взгляделся в лицо девушки: сомнений быть не могло, она узнала одного из нападавших.

Мразь – говорили её глаза.

Человек возобновил просмотр.

С гримасой отвращения и ненависти, так не вязавшейся с её миловидным личиком, она начала одеваться. Сначала довольно споро, затем – всё медленнее и медленнее: раствор начинал действовать.

Она наклонилась над тумбочкой, сжала что-то в ладони, покачнулась и плавно опустилась на пол рядом с бесчувственным телом своего любовника. Она была ещё в сознании; на экране монитора было отчётливо видно, как она несколько раз провела пальцами по лицу Сабурова. С каж-

дым разом движения становились всё более вялыми. Наконец, она замерла.

С улицы внесли носилки. Уложили на них девушку, оставив парня, как был, и удалились через балконную дверь, неся свою ношу.

Человек закрыл файл.

– Ну, как сработано?

– Неплохо. Но она тебя узнала, ты заметил?

– Ещё бы, взглядом чуть в пепел не обратила. Что теперь?

– Везите её в «Гнездо».

– А он?

– Он в игре. Она, впрочем, тоже, так что обращайтесь с ней получше.

– Нам втроём её везти?

– Да, но возвращайтесь поскорее; сегодняшняя ночь обещает быть жаркой.

– Ясно. Хотел вот о чём спросить: это ничего, что она меня узнала?

– Пока не знаю, но хорошего в этом точно ничего нет.

– Надо было как-то приказать ей одеваться. Не на бумажке же писать! А любого из моих людей она ещё быстрее узнала бы!

– Ты прав. Да, кстати, «врача» сворачиваем.

– Почему?

– Он нам больше не нужен.

– Тебе виднее.

- Он, вроде, и сам не против уйти.
- Так даже лучше – интереснее.

3

Точнее было бы сказать, что Герману показалось, что раздался выстрел, потому что это произошло в его голове, а на деле – осечка. Он передёрнул затвор, ещё раз нажал спусковой крючок, вернув пистолет в рот – та же реакция.

Герман вынул пистолет изо рта, вытащил обойму. Патроны на месте. Он с негодованием отбросил пистолет в сторону.

Так значит, они рылись в моих вещах. Подонки! – Подумал он и в бессильной злобе ударил кулаком по столу. Тот остался совершенно равнодушен к такому проявлению чувств.

Молодой человек поднялся на ноги. Шатаясь, точно пьяный, он вышел на балкончик. Ему показалось, что он видел нескольких человек в чёрном, несших носилки и свернувших за угол, но списал это всё на уставший мозг.

Неудачная попытка покончить с собой не отдалила его от мысли о самоубийстве. Ему по-прежнему не хотелось жить на этом свете, потому что он чувствовал свою полную никчёмность. Перебирая все грани своей жизни, он не видел, за что можно уцепиться. Убеди его сейчас кто-нибудь в том, что жить стоит хотя бы ради того, чтобы увидеть, что же бу-

дет дальше, то он, может быть, немного побрыкавшись, согласился бы ещё помучиться. Но рядом никого не оказалось, кроме мысли, что единственный человек, ради которого стоило жить, уже ждёт его там – на том свете.

Он отправился на озеро в надежде утопиться, хотя ещё не представлял, как это сделает. Зашёл в воду, лёг на неё, сказал:

– Анжела, я иду к тебе. – И нырнул. Однако, ещё не достигнув дна, он почувствовал, как озеро выталкивает его из своего нутра, будто не желая брать на себя подобный грех. Тут же он подумал о том, как вода станет проникать в его лёгкие, и... вынырнул.

Поняв, что утопиться он не сможет, Герман упал на тёплый ещё песок и задремал.

4

Уже три дня Таня и Аня отрывались по полной программе. Аня, по её словам, раньше уже ходила в турпоходы, да и по другим поводам частенько отлучалась из дома. А вот Таня впервые в жизни избавилась от родительской опеки. Была она юна и неопытна, а представления о жизни получала в основном из телесериалов и от матери, которая на чём свет стоит, честила весь мужской род, в том числе и отца, приносившего домой львиную долю их семейного бюджета. Нет, при отце мать была шёлковой, но стоило выйти ему за порог,

как родительница начинала такие гадости про него вспоминать, что тошно становилось. Мальчика у Тани не было – не позволили бы, но девственности она лишилась уже в пятнадцать лет. Помог «хороший» мамин знакомый – тоже сволочь порядочная, как оказалось.

И невзлюбила Таня мальчиков. А секса хотелось. И тут – о, чудо! – она встретила девочку, тоже органически не переваривающую этих сволочей – мужиков. Они быстренько «спелись» и познали радость исключительно женских интимных ласк.

Поначалу Тане было жутковато. Однако Аня наповал сразила её высказыванием:

– Пусть эти маньяки-членоносцы друг в друга свои тыкалки суют.

С этим Тане трудно было не согласиться: нет ничего более противного, чем этот их половой орган, то ли дело – девочки...

Третью ночь подряд они занимались своей «чистой» эмансипированной любовью, и Таня всё чаще и чаще ловила себя на мысли, что хочет связать с Аней свою жизнь.

Анюта – девка боевая, – думалось ей, – с ней нигде не пропадёшь. И потом: сколько нежных слов, сколько ласки, сколько любви! – Ни от одного кобеля столько не дождёшься, хоть отдавайся ему в день раз по десять.

Они лежали на кровати и целовались взасос, когда Аня вдруг отстранилась и сказала:

– Пойду, приму душ, а то что-то я себя как-то не так чувствую.

– С тобой всё в порядке?

– Не волнуйся, всё нормально.

Спустя минут двадцать Таня забеспокоилась уже по-настоящему; встала и прошла к ванной комнате. Внутри – звук бегущей воды. Постучала.

– Да? – Голос сдавленный.

– Ты как там?

– Сейчас выйду.

Ещё минут пятнадцать пришлось ждать, пока Аня выйдет из душа. Девушка не была бледна, но шатало её изрядно, будто она успела налакаться одуряющего зелья, пока мылась.

– Аня... – Голос Тани задрожал при виде подружки.

– Всё нормально... хорошо... Вот только оденусь, что-то знобит меня немножко.

– Давай, я за врачом сбегаю.

– Нет! – Слишком резко, Таня даже вздрогнула.

Тем временем Аня полезла в свои вещи, достала жилетку, которую Таня никогда не видела у подружки; впрочем, и холодно-то не было.

– Ложись, – сказала Аня, – я сейчас приду, и ты меня погреешь.

– Хорошо. – Таня легла.

Аня, наконец, натянула на себя жилет, подошла к выключателю, – погасить свет, зажжённый Таней несколько минут

назад, но до клавиши она так и не дотянулась.

Мощная судорога согнула её пополам.

– Ой! – Только и смогла вскрикнуть она.

Таня села на постели. Её подруга повернулась к ней лицом, и теперь она могла видеть, что у Ани изо рта, носа и ушей идёт кровь. Неприятным багровым цветом окрасились и бывшие белоснежными трусики девчушки, которые она надела после душа. В глазах Ани застыла боль. Тонкие ручейки красной жидкости (Таня просто не могла поверить, что это – кровь) потекли из рукавов и из-под подола.

Таня запихнула оба кулачка в рот. Аня осела на колени и, тут же обессилев, свалилась ничком на пол, прохрипев что-то невразумительное. Таня решила, что это слово: «помоги», но она не могла сдвинуться с места, её будто бы парализовало. Однако, ощутив на своих щеках слёзы, она немного пришла в себя. Слезла с кровати, походкой зомби подошла к подруге и присела на корточки.

– Что с тобой?

Анина рука вцепилась в её руку, но тут же ослабела и сползла на пол, оставляя на Танином запястье размазанные кровавые следы.

Таня заверещала, как маленькая.

5

Андрей очнулся от тяжкого забытья с жуткой головной

болью, которую он силой воли заставил начать отступать. На затылке налилась здоровенная шишка. В чём мать родила, он выскочил на балкончик в смутной надежде, что напавшие на них с Кирой не могли далеко уйти.

Никого.

Девушки тоже нигде не было видно. Мерзавцы прихватили её с собой.

Сабуров бросил взгляд на часы – прошло не менее полу-часа с тех пор, как их с Кирой так грязно разлучили. Последняя надежда истаяла в комнате наполненной горечью и болью.

Он сел на размётанную кровать, хранившую ещё тепло их тел, благоухание девушки, эхо нежных слов. Закрыв лицо руками, он заплакал, как не плакал уже много-много лет.

Что делать? Где искать её? Что вообще всё это значит?

Однако полностью осознать разрывающую на куски сердце и душу боль потери ему не дали. Он даже не успел погрузиться в свои мысли до потери контроля над собой, когда где-то очень близко тишину ночи нарушил девичий визг.

Сперва Сабуров подумал, что это снова Лиля, но нет, – голос был иным, и раздавался он слишком близко, чуть ли не напротив. Тогда, как Лиля проводила эту ночь в Лизинном номере.

Он оделся и выскочил в коридор. Визг всё не заканчивался, а лишь прерывался для того, чтобы человек его издававший, смог набрать воздуха в лёгкие. Нёсся этот звук из де-

вятнадцатого номера, где обосновались юные любительницы анаши и розового секса.

Выбив дверь, Андрей оказался внутри. Первым его впечатлением было, что кто-то разлил на полу ведро красной краски. Но вот тело, лежащее посреди этой лужи, говорило, что дело здесь обстоит куда как серьёзней. Рядом с бесчувственной рыжеволосой девчонкой стояла на коленях вторая. Она-то и испускала тот холодящий внутренности визг, на который он прибежал.

Первым делом он привёл в чувство Таню. Для этого пришлось залепить ей пару не сильных, но хлёстких пощёчин. В дверях уже вырастали силуэты разбуженных обитателей этого здания.

Андрей склонился над Аней, но ничего не смог понять – девушка была вся в крови, будто истекала ею прямо через кожу.

– Что случилось? – Спросил он у Тани.

– Я... я не... не знаю... – Она хотела вновь расплакаться, но Сабуров бросил на неё взгляд, запрещающий это делать; держи себя в руках, – говорили его глаза. Таня продолжила: – Сначала всё было нормально... хорошо даже... а потом... ей стало плохо... она... Она пошла в душ, пробыла там долго, а когда вышла, сказала, что её знобит, оделась и... И это началось.

– Так, сбегайте кто-нибудь за Владом! – Это к сгрудившимся в дверях, а ей: – Началось что?

– Ну, она это... кровь у неё пошла. Отовсюду.

– Господи, – сказал Андрей, не обращаясь ни к кому, – я знал, что это – проклятое место, и, кроме горя, оно нам ничего не принесёт. Доколе?

– Он уже идёт. Врач пришёл. – Донёсся шорох толпы.

Протиснувшись сквозь плотные, хотя и изрядно уже поредевшие ряды зевак, в номер вошёл Влад. Сабуров отметил следы усталости и отрешённости на лице врача.

– Что? – Бросил он, склоняясь над несчастной девчонкой.

– Я ничего понять не могу. – Ответил на это Андрей и кратко пересказал то, что услышал от Тани. Тёмненькая всё это время кивала головой, подтверждая его слова.

Влад достал телефон и нажал одну из кнопок, затем – кнопку вызова.

– Вертолёт, срочно! Со всем медицинским оборудованием! Я сказал: срочно! – Убрав телефон, он обратился к Андрею. Голос его выражал ту же усталость, что и лицо.

– Минут пять всё равно подождать придётся. А где Кира? Андрей напрягся. Махнул рукой.

– Потом расскажу. Всё потом.

Да, перед ним сидел уже совсем не тот человек, что встречал их три дня назад, если, конечно, Влад не гениальнейший актёр, что вряд ли.

– Где Дмитрий? – Спросил врач, обращаясь к людям за спиной.

– Его здесь нет. – Последовал ответ.

– Так найдите же его, он мне сейчас будет нужен! А Герман?

За окнами послышался рокот приближающегося вертолѐта.

– Дмитрия нигде нет. – Доложили Владу. – Скорее всего, его нет в здании.

– И Германа тоже нет. – Вставил кто-то.

Сабуров не к месту вспомнил Агату Кристи и её бессмертный роман «Десять негритят».

Вертолѐт приземлился на площадку перед зданием.

– Андрей, проводи. – Сказал Влад.

Молодой человек выскочил на улицу, навстречу ему бегом бежали трое в белых халатах; двое из них несли носилки. Он показал прибывшим медикам, где требуется помощь.

Не теряя ни секунды, Аню уложили на носилки и всё той же лёгкой рысью понесли в вертолѐт.

– Так, Таня, полетишь со мной. – Сказал врач.

– Зачем?

– Там объясню, сейчас некогда. Одевайся!

Только сейчас девушка поняла, что из одежды на ней – только одеяло, накинутое ей на плечи Андреем, в самом начале.

– Андрей, пусть все расходятся. – Продолжал распоряжаться Влад.

– Так! – Сабуров вспомнил, как это происходит в фильмах. – Расходимся по номерам! Здесь больше не на что смот-

реть! Выходите! Выходите!

Нехотя, словно их отрывают от любимого сериала, участники шоу начали расходиться по номерам.

Андрей тоже вышел и закрыл за собою дверь, позволяя Тане одеться без присмотра чужих глаз (если конечно не брать во внимание камеры).

Последний раз он увидел её бегущей к вертолёту, готовому взлететь. В руках она держала ветровку, волосы разметались. На шоу Таня так и не вернулась.

А сейчас он стоял и смотрел на взлетающую механическую «стрекозу», уносящую в своей утробе ещё одну потерпевшую этого реалити-шоу.

«На лоне природы» – называлось оно.

6

С чувством полной отрешённости от мира Андрей оглядывал их разорённое гнёздышко. Растерянность и неверие в произошедшее сквозили в его взгляде. Вот они – её вещи: на тумбочке – магнитофон, внутри тумбочки – её кассеты. Да что там говорить! – даже запах её всё ещё здесь...

Но что-то бесследно исчезло... Чувство её присутствия. Казалось, что она вот-вот войдёт, обнимет его, поцелует. И когда разум твердил, что этого не произойдёт, становилось невыносимо горько. Крепкие тиски охватывали и лёгкие и сердце. Исчезло чувство непреходящего счастья.

Вместе с ним испарилось чувство реальности происходящего. Последние события Андрей не воспринимал, как случившееся с ним, на его глазах, нет, он словно сидел в кинотеатре с потрясающими спецэффектами, когда только кажется, будто ты участвуешь в действии фильма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.